

Русские путешественники в странах Востока

МОСКВА
1958

Публикация
Н. А. Кузнецовой

Ответственный редактор
А. А. Кузнецов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со второй половины XVI в. начали быстро развиваться дипломатические и торговые отношения между Персией (Ираном) и Русским государством. До этого времени связи между ними были нерегулярными, что объяснялось главным образом взаимной отдаленностью этих государств. До середины XVI в. между Русским государством и Персией лежали области, населенные народами и племенами, в той или иной степени зависевшими от турецкого султана — врага Русского и Персидского государств. Чтобы проехать в Персию, необходимо было преодолеть большое расстояние. В пути путешественника-купца или посла поджидали разные опасности: ограбление, плен, продажа в рабство или, в лучшем случае, длительная задержка. Средства передвижения в то время не могли обеспечить быстрой езды; путь от Москвы до столицы Персии Исфахана занимал несколько месяцев. Эти трудности останавливали иногда даже самых предприимчивых к отважных путешественников.

С середины XVI в. положение изменились. В результата войн Ивана Грозного к Русскому государству были присоединены Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства. Таким образом, оно получило главный путь для восточной торговли — Волгу, смогло выйти к Каспийскому морю и приблизиться к Персии (хотя до первой четверти XVII в. сухопутной границы между этими странами еще не было).

Между. Персией и Русским государством установился более или менее регулярный обмен посольствами, завязалась дипломатическая переписка. Общая заинтересованность в борьбе с султанской Турцией укрепляла дружественные отношения между странами. В

дипломатической переписке этих лет — грамотах шаха и царя[1], отправляемых с послами, — борьбе с Турцией отводилось первое место. Неоднократно поднимался вопрос о необходимости создания союза против Турции.

Персия, ослабленная длительной войной с турками и узбеками, соглашалась даже пойти на некоторые территориальные уступки Русскому государству. Стремясь изгнать турок с побережья Каспийского моря, шах просил помощи у России, за что обещал передать ей не только Дербент, но и Баку[2]. Шах предлагал московскому правительству для более успешной борьбы с Турцией и ее вассалами построить ряд пограничных городков в предгорьях Кавказа по Тереку, где проходила официальная граница Русского государства. Однако последнее было еще не достаточно сильным, чтобы одновременно вести активную политику на западе и на юге. Русское государство стремилось обеспечить безопасность своих южных границ, не вступая в вооруженный конфликт с Турцией. По Тереку были выстроены казачьи городки[3] Моздок, Имерский, Наурский, Аристово, Муратханов, Кизляр и другие, построен Терский городок (Терек, или Терка) — главный административный центр всей этой области. Эти «городки» должны были охранять южные границы государства.

Так как основным содержанием внешней политики Руси на востоке в XVI и в начале XVII в. была защита собственных интересов и границ на Кавказе, то московское правительство уклонилось от предложений шаха. В начале XVII в. в связи с начавшейся в России борьбой за престол и польской интервенцией переговоры о союзе против турок были прерваны. Только в 1613 г. в Персию были отправлены послы М. Н. Тиханов (Тихонов) и Бухаров с сообщением о вступлении на русский престол Михаила Федоровича Романова.

Персидское правительство все эти годы присылало своих послов, хотя и не знало, кто в данное время является главой Русского го-

[1] Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. И, СПб., 1892, стр. 5.

[2] Ф. Растопчин. История дипломатических и торговых сношений России с Персией, ч. I. Вторая половина 16 в. и 17 в. (Рукопись. Архив института востоковедения АН СССР. Сектор восточных рукописей, р. I, оп. 6, № 3/963).

[3] М. А. Полиевктов. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932. стр. 10.

сударства. Грамоты персидского шаха были адресованы то Борису Годунову, то обоим Лжедмитриям. Иногда шах, вовсе не указывая имени царя, обращался ко «всего русского государства повелителю и великому князю Белому царю» или ко «всего крестьянского государства государю и повелителю»[4]. В 1613 г. в ответ на заявление русского посла М. Н. Тиханова о родстве Михаила Федоровича Романова со старыми русскими царями шах Аббас сказал: «Вы говорили и про московское разорение и про литовского короля неправду, и про московского государя вашего..., что он великим государям московским сродник ближний», но несмотря на это, он (Аббас), как с прежними московскими царями «был в братской любви и дружбе»[5], так и теперь будет жить с Михаилом Федоровичем.

С этого времени начался оживленный обмен посольствами. Почти каждый год в Москву приезжали персидские послы или посланники, а в Персию отправлялись русские посольства. В течение нескольких лет в Персию были посланы Брехов и Афанасьев (1614) Шахматов (1615), Левонтьев и Тимофеев (1616), Барятинский (1618) и другие послы[6]. Некоторые поручения дипломатического характера давались купцам, ведшим торговлю в Персии. Московский гость (купец) Григорий Мельников был официально включен в состав посольства.

Политические отношения между Русским государством и Персией продолжали оставаться дружественными. Вопрос о борьбе с Турцией, игравший ранее главную роль во внешней политике обоих государств и занимавший видное место в их дипломатической переписке, постепенно начинает сходить на нет.

Политическая обстановка на Среднем Востоке в первой четверти XVII в. изменилась. Персия к этому времени оправилась от внутреннего кризиса, шаху Аббасу I удалось одержать несколько блестящих побед над узбеками и турками, отвоевать у них Хорасан, почти все Закавказье, побережье Каспийского моря вплоть до Дербента. Персия не нуждалась больше в союзнике для борьбы с Турцией. Владения Персии и Русского государства теперь непосредственно соприкасались. Шахское правительство, опасаясь дальнейшего продвижения России на Кавказ, настороженно следило за каж-

[4] Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, стр. 252—254.
[5] Там же, стр. 289.
[6] Д. М. Лебедев, География в России XVII в., М.—Л. 1949, стр. 175—176.

дым шагом Москвы. Однако в расчеты московского правительства не входил конфликт с Персией из-за Грузии и закавказских ханств, так как это закрыло бы персидский рынок, игравший важную роль в экономике Русского государства[7]. Московское правительство поддерживало Грузию (формально перешедшую в русское подданство еще в 1589 г.), собирало сведения о положении на Кавказе, в Персии и Турции, но более активных действий не предпринимало. В дипломатической переписке этих лет острые политические вопросы обходились молчанием и постепенно заменялись экономическими вопросами.

* * *

Торговля Русского государства с Персией после его выхода к Каспийскому морю стала быстро расти.

Большую роль в торговле с Востоком играла Астрахань. По свидетельству Барбаро, еще в XV в. русские посылали свои суда в Астрахань за солью[8]. в конце XV в. между Москвой и Астраханью уже ходили большие торговые караваны[9]. В XV и начале XVI в. в Астрахань приезжали купцы из Персии, Средней Азии, Венеции и с Кавказа. Значение Астрахани и волжского торгового пути возросло еще больше, когда некоторые европейские купцы, преимущественно английские, решили использовать этот путь для торговли с Востоком. В 60-х годах XVI в. англичане организовали специальную компанию для торговли с Россией, Персией и северными странами.

В 1561 г. член компании Дженкинсон[10] предложил Ивану IV проект торговли с Персией. Вскоре торговля с Востоком через русские земли была затруднена тем, что только с согласия царя, при условии уплаты половинной пошлины, разрешалось ходить в Казань и Астрахань. Но в 1588 г. англичанам вновь было разрешено свободно ездить из Москвы в Персию, Бухару и Шемаху[11], не платя пошлин. При Михаиле Федоровиче англичане получили под-

[7] М. А. Полиевктов. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе, стр. 8, 32.

[8] «Путешествие Иосафата Барбаро, венецианского дворянина». Пер. с итальянского, «Библиотека иностранных писателей о России», т. I, СПб.. 1836, стр. 57.

[9] Н. И. Костомаров. Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях, СПб., 1862, стр. 10.

[10] Там же, стр. 14, 17.

[11] Там же, стр. 18.

тверждение своей привилегии на беспошлинную торговлю[12] Но англо-персидская торговля не приняла широких размеров, так как дальний путь, большие расходы и опасности, особенно в районе Каспийского моря, останавливали английских купцов. К концу XVII в. торговля между Персией и Англией почти полностью прекратилась, так как в Русском государстве для этих купцов были снова введены некоторые ограничения.

Добивались права торговли с Персией через русскую территорию и голландцы. Во время переговоров в Москве в 1630 г. голландские послы просили, чтобы им было предоставлено на тридцать лет право исключительной и беспошлинной торговли с Персией через Русское государство за ежегодный взнос в царскую казну 15 тысяч рублей[13]. Но они получили отрицательный ответ; в подобной же просьбе по челобитной московских купцов было отказано и англичанам. На утверждение голландских послов, что от торговли «во всех государствах большая дружба», русские бояре ответили «Между государями и государствами дружба и любовь бывает не для одной торговли»[14].

Торговля с Персией была особенно важна для Русского государства. Персия, отрезанная враждебной Турцией от европейского рынка, также была заинтересована в развитии торговли по Каспийскому морю и Волге. В течение нескольких столетий Персия вела торговлю, с Западной Европой (с венецианскими, генуэзскими и другими купцами). Начавшиеся турецко-персидские войны привели к полному прекращению торговли Персии с Европой. Черное море оказалось закрытым. Персия вынуждена была искать новых торговых путей. Торговля через Персидский залив только начинала налаживаться и еще не имела практического значения Оставался единственный путь - через Каспий и Русское государство.

В Москву приезжали персидские посланники по торговым долам. Все больше русских купцов участвовало в восточной торговле.

До захвата турками западного побережья Каспийского моря (в 90-х годах XVI в.) русские и персидские, особенно гилянские, купцы ездили вдоль его западных берегов. Этот путь был уже освоен, там имелось много удобных «пристанищ». После захвата турками побережья торговый путь переместился к восточным бере-

[12] Там же, стр. 29.

[13] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. кн. II, т. VI—X, СПб., Изд . «0бщественная польза», стр. 1183.

[14] Там же.

гам, малонаселенным, неудобным и опасным, так как пираты нападали на купеческие суда — «бусы». Поэтому некоторые купцы предпочитали ездить старым путем.

Персидские товары были в большом ходу в России. Ввозились главным образом шелк-сырец и предметы роскоши. В Москве был особый персидский гостиный двор с лавками. Торговля шелком была монополией царской казны. Лучшие сорта других товаров, в частности так называемые «узорные товары» (драгоценные камни, золотые и серебряные украшения), в первую очередь покупала казна.

В Персию вывозились собольи, беличьи и прочие дорогие меха, кость, моржовые клыки, юфть, пенька, лен, хлеб.

Еще в XVI в. были введены ограничения для иностранных купцов. Вначале было запрещено торговать в розницу, а разрешалась только оптовая торговля. Потом некоторые товары были объявлены монопольными («указными», или «заповедными»), и ими можно было торговать только по специальным разрешениям, хотя «послам и купчинам (шаховым. — *Н. К.*) заповедные товары велено давать покупать привольно»[15]. Русско-персидская торговля, которой покровительствовали царь и шах, неуклонно расширялась.

Несмотря на поддержку шаха, русские купцы часто подвергались ограблениям, с них взимали незаконные пошлины и сборы, иногда затруднялось их передвижение по персидской земле. Персидские купцы в свою очередь жаловались на грабежи, задержки в пути и незаконные сборы в русских владениях (купцы были подчинены юрисдикции той страны, в которой они торговали). Почти во всех грамотах этих лет говорится о разборе подобных жалоб и дел. В одном из актов идет речь о деньгах, оставшихся после смерти персидского купца; в другом — о требовании персидского посла возвратить 350 рублей, которые занял некий московский купец Третьяк Кляпиков в шахской казне и т. п. Были случаи, когда разбирались дела о выдаче скрывшихся купцов или «купеческих людей».

Споры о выдаче компенсации за пропавшие товары, о возвращении долга, о препятствиях в торговле и другие тянулись иногда в течение нескольких лет[16].

[15] Ф. Растопчин. История дипломатических и торговых сношений России с Персией. (Рукопись. См. выше).

[16] Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, стр. 159, 191, 192, 202, 204, 239, 247.

Неразрешенным оставался вопрос о беспошлинной торговле для шахских и царских купцов. Обычно купцов, отправлявшихся с товарами шахской или царской казны, освобождали от уплаты таможенных пошлин, предоставляли им различные привилегии в выборе места торговли, в продаже и покупке товаров. Кроме того, с них не брали за переезд и кормили даром. Многие купцы часто под видом царских или шахских товаров провозили свои товары и таким образом избегали уплаты пошлин. Это, естественно, отражалось на доходах казны. Русское правительство пыталось договориться с шахом об ограничении беспошлинной торговли, но безуспешно. В 1621 г. оно стало требовать с шахских купцов списки (перечни) всех провозимых ими товаров, скрепленные шахской печатью. Но обычно персидские купцы не выполняли этого требования. Лишь к концу XVII в. был окончательно выработан торговый статут для шахских и царских купцов.

Что касается «частных» купцов, называемых в русских доку ментах «тезиками», то по отношению к ним уже в начале XVII в. действовали многочисленные ограничения: было запрещено продавать и покупать некоторые виды товаров, торговать в розницу, вступать в торговые сделки с другими иностранными купцами и т. п. По свидетельству современников и по архивным материалам XVII в., торговля «тезиков» не приняла в то время больших размеров. Ведущую роль в персидско-русской торговле играла торговля «казны». Поэтому многие «частные» купцы пытались выдавать свои товары за товары «шаховы и хановы»[17].

* * *

Федот Афанасьевич Котов происходил из видного купеческого рода, уже несколько десятков лет занимавшегося торговлей с восточными странами. В одном из документов 1589 г. говорится о некоем московском купце Степане Котове, который имел какое-то отношение к сбору таможенных пошлин[18].

В 1620 г. в Москву прибыл английский посол Мерик и стал просить разрешения на транзитную торговлю с Персией через Рос-

[17] «Наказ Борису Андреевичу и Семену Ивановичу Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч». Изд. под ред. А. Н. Труворова, «Русская историческая библиотека», т. XV СПб., 1894 стр. 20.

[18] «Памятники дипломатических сношений» СПб., 1851 стр. 1219.

сию. Царь Михаил Федорович, собрав московских купцов, рассказал им о предложении англичан и добавил к этому, что после войны в Русском государстве «во всем скудость и государевой казны нет нисколько», а англичане за дорогу в Персию обещают деньги. Михаил Федорович спрашивал: «Если дать английским гостям дорогу в Персию, то не будет ли от того московским гостям и торговым людям помешки и оскуденья?» Купцы ответили, что «на то воля государева», а если на них не будет опалы, то они выскажут свое мнение.

Один из купцов, Иван Юрьев, сказал, что если разрешить англичанам торговать с Персией, то будет убыток для казны и разоренье для торговых людей, «ибо теперь московские и понизовых городов торговые люди ходят в Персию многие, Москвичи, Ярославцы, Костромичи, Нижегородцы, Казанцы, Астраханцы, а с Тезиков, которые приезжают в Астрахань, берут с рубля по 4 алтына».

Купец Григорий Твердиков предлагал разрешить англичанам торговлю только «указными» заморскими товарами, а русскими товарами — запретить. Григорий Никитников советовал поторговаться с англичанами и голландцами о пути в Персию — «они одни перед другими больше дадут», а за небольшую пошлину отдавать дорогу не имеет смысла; «потому что теперь за персидские промыслы торговые люди взялись многие и оттого богатеют, а государю идет пошлина большая»[19].

Высказал свое мнение и московский купец Родион Котов (брат Федота Котова, а может быть, так ошибочно назван сам Федот Котов). Он заявил: «Боятся наша братья того: только Англичанам дать дорогу в Персию — и их промыслы станут; но этого не угадать, всякому своя часть, — и большим товаром торгуют и малым промышляют, как кто сможет. Вот у Архангельского города торг неровный: сначала приезжают мелкие люди с небольшими товарами и торгуют ими, а после приходят с большими товарами и также торгуют, меньшие не остаются же, а всякий по своей мере исторгуется; так и тут: иные Персияне станут с Англичанами торговать в Персии, а другие поедут в Астрахань, одним Англичанам своими товарами как Персию затворить? Много в Персии охочих торговых людей поедут за русскими товарами»[20].

[19] С. М. Соловьев История России с древнейших времен, кн. II, т. VI—X, стр. 1175—1177.
[20] Там же, стр. 1177.

Рассуждения Родиона Котова о возможных последствиях английской торговли с Персией показывают, что он хорошо знал характер персидского рынка, был знаком с торговлей в Русском государстве вообще, поэтому и мог сравнивать астраханскую торговлю с архангельской. Сам факт приглашения одного из Котовых на совет к царю свидетельствовал о видном положении этих купцов.

В 1623 г. Федот Афанасьевич Котов был послан через Астрахань в Персию с товарами из государевой казны. Как купец, торгующий царскими товарами, Котов пользовался многими преимуществами и в первую очередь быстрым, беспрепятственным передвижением. Он нигде не жаловался на трудности в пути.

Очевидно, перед отъездом Котов получил из Посольского приказа специальное задание — описать пройденный путь, обычаи жителей, города и представить «статейный список». Судя по характеру дошедших до нас вариантов «О ходу в Персидское царство», Котов вел в пути дневник, который затем лег в основу отчета о поездке в Персию.

В это время русское правительство собирало преимущественно через Посольский приказ различные сведения о соседних народах и государствах, о системе их управления, религии, количестве населения, состоянии промышленности и торговли, уровне хозяйства, дорогах, взаимоотношениях с другими государствами.

В Русском государстве имелось уже много сведений о Персии, особенно о северных ее провинциях — Гиляне и Мазандеране, а также о Шемахинском и Эриванском ханствах, которые находились под властью персидского шаха и Грузии. В начале XVII в. наблюдалось влияние персидской культуры на Россию.

* * *

В 1852 г. во «Временнике Императорского московского общества истории и древностей Российских»[21] впервые было опубликовано описание путешествия Котова под названием «О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индею, и в Урмуз, где корабли приходят». Публикации предшествовало небольшое предисловие, в котором говорилось, что эта рукопись находится в собрании М. П. Погодина и известна очень немногим. И. Д. Беляев, автор

[21] «Временник Императорского московского общества истории и древностей Российских», кн. 15, М., 1852. стр. 1 — 22.

предисловия[22], отметил большую историческую ценность этого источника. К сожалению, во «Временнике» был опубликован текст «Хожения», исправленный в некоторых местах издателями и данный в транскрипции середины XIX в. По свидетельству И. Д. Беляева, рукопись М. П. Погодина была написана в первой половине XVII в. По характеру написания ее можно считать официальным отчетом Котова — статейным списком.

В 1907 г. в «Известиях Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук»[23] была помещена другая рукопись под названием «Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в.», в которой издатель М. П-ий сохранил транскрипцию XVII в.

В настоящее время известна еще рукопись XVIII в, с описанием путешествия Котова в Персию.

Подлинника списка, опубликованного в 1852 г., в нашем распоряжении не было; для сравнения с двумя другими списками был использован текст, изданный И. Д. Беляевым. Далее изданный текст рукописи из собрания М. П. Погодина будем называть рукописью *А*; рукопись XVII в., опубликованную в 1907 г. М. П-им, — рукописью *Б*, и наконец рукопись XVIII в. — рукописью *В*.

Рукопись *Б* хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. «Хожением» Котова открывается рукописный сборник второй половины XVII в. (ф. 344, собрание Шибанова, № 298, лл. 5—74). В сборнике, кроме «Хожения», имеются и другие сочинения, например «Слово и дивная повесть полезная о динаре царевны, Иверского царя дщери» (лл. 75 — 86). «Слово святых отцов о старце, како хотел уведати мудрость божию и голос его слышати» (л. 87 и сл.), «Сказание о Михайлове царствии и его последних днях» (л. 142 и сл.) и др.

Всего в рукописи *Б* 195 листов, написанных скорописью, размер листа 19,5 X 15,3 см. Бумага пожелтела от времени, в пятнах, местами прожжена. Первые листы (1—4) утрачены, лл. 5—6 сильно повреждены. Переплет рукописи был сделан позднее, доски обтянуты кожей с тиснением, имеются застежки, на корешке вытиснено золотом: «Сборник». Почти все заглавия и заглавные буквы рассказов сборника написаны киноварью. Текст сборника написан черными чернилами, одним почерком. Имеются разновременные

[22] Там же, стр. 111.

[23] «Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук», т. XII, кн. I, стр. 67—125

начиная с XVII в., различные записи владельцев рукописи, не относящиеся ни к «Хожению», ни к другим произведениям сборника.

Рукопись *В* хранится также в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. Фадеевых № 62). Она входит в «Исторический сборник», переписанный в начале XVIII в. с более ранней рукописи. Этот сборник, как и рукопись *Б*, начинается с «Хожения Котова», затем идут «Слово и дивная повесть...», «Слово.... о старце, како хотел уведати мудрость божию...»; остальные записи не совпадают с рукописным сборником XVII в. В сборнике *В* приводятся также довольно любопытные послания царя Ивана IV к князю Андрею Курбскому (л. 135 и сл.), королю литовскому (л. 128 и сл.), список с посольского листа (л. 114 об.) Заканчивается рукопись *В,* как и рукопись *Б,* семью «седминами».

Сборник содержит 182 листа (размером 16 X 10 см), исписанных скорописью. Рукопись частично была испорчена сыростью, затем реставрирована (некоторые листы подклеены) и переплетена. Переплет—доски, обтянутые тисненой кожей, с застежками. Рукопись написана одним почерком, черными, несколько порыжевшими от времени чернилами.

Наличие этих двух аналогичных рукописных сборников с историческими рассказами, переписанными подлинными документами — посланиями, статейными списками и г п., свидетельствует о возникновении в России интереса к такого рода литературе. «Хожение» Федота Котова рассматривалось как историческое сочинение и неоднократно переписывалось. Оно было, по-видимому, широко известно среди купечества, связанного с восточной торговлей.

Отдельные листы наиболее полного текста «Хожения» (рукописи *Б* и *В)* указывают на то, что Котов составлял свою рукопись-отчет на основании каких-то предварительных записей, может быть, дневника. Так, он писал: «А путь ис Шемахи есть в Туръскую землю, и про тот путь писано ниже» (л. 20 об.) или: «о бабре писано ниже, каков бе» (л. 28 об.) и т. п. Это свидетельствует о том, что он уже имел перед собой черновик, план которого собирался сохранить и в окончательном экземпляре списка. Однако в таком виде отчет не удовлетворил Котова, так как выходил за рамки установленной формы статейного списка, содержал излишние бытовые подробности (л. 61 об.), описание хорошо известного пути по русским землям (первые 8 листов) и непонятные приказным дьякам

термины (л. 20 и др.). Котов считал ненужным оставлять в официальном отчете турецкий, персидский, армянский и грузинский счет (лл. 71, 72, 74), знание которого имело большое значение для купцов, торговавших в Персии и Закавказье, но было бесполезно для приказных чиновников. Котов не приводит в нем также армянского, арабского и других алфавитов (л. 73), считая их излишними. Интересно отметить манеру Котова заменять хорошо понятные ему персидские и турецкие термины русскими словами или комментировать их. Так, он почти не употреблял слово «даруга», иногда заменял слово «караван-сарай» («карасамраи») словами «гостиный двор» (лл. 19, 19 об., 20 и др.), персидские и турецкие метрические меры переводил в русские. Например, слова «до Шаврина четыре огача» (рукопись 5, л. 12 об.) заменены в рукописи *А* словами «До Шаврани 20 верст». Оставляя в тексте некоторые восточные слова, Котов сразу же пояснял их, например: «беки да тюфянчеи, а по руски дети боярьские да стрельцы» (л. 32), или «какараузик, по рускому тоня» (л. 9), или «тотарские юрты, чтобы наши руские деревни» (л. 9)[24] и т. п.

Язык Котова был предельно точен и лаконичен. Его «Хожение» предназначалось для Посольского приказа, где к этому времени уже выработался определенный язык, на котором составлялись все официальные документы. Немногословность, точность выражений, отсутствие непонятных и двусмысленных формулировок — таковы были требования, предъявляемые к языку официальных документом в московских приказах, и эти требования были выполнены Котовым. Просто удивительно, что в его маленьком отчете о путешествии содержится так много самых разнообразных сведений о Персии. Не излагая содержания рукописи (читатели сами ознакомятся с ней), остановимся лишь на характере приводимых Котовым сведений.

Котов прежде всего купец. Вопросы торговли, состояние торговых путей стоят у него почти всегда на первом месте. Он считал, что его описанием должны воспользоваться русские купцы, которые будут ездить в Персию, и старался как можно точнее описать все особенности и опасности путешествия туда. Торговый путь в Персию был к этому времени уже хорошо известен. Он проходил через многие крупные города. Котов тщательно отмечает расстояния между городами и другими населенными пунктами, указывает характер дороги — горы, степь, пустынные места, наличие или от-

[24] Котов обычно употребляет «чтобы» в смысле «как бы»

сутствие воды, на чем ехать, нужно ли опасаться нападений, например: лезгинцы грабят купцов и продают в рабство, а если тихо — взимают по три киндяка с вьюка (л. 16 об.), дорога от Ширвана до Шемахи идет по горам и ехать там «нужно и безводно» (л. 19).

Путь Котова проходил через Коломну, Переяславль Рязанский, Терехов монастырь, Вышгород, Старую Рязань, Касимов, Елатьму, Муром, Павлов переезд, Нижний Новгород, Василь-город, Козьмодемьянское, Чебоксары, Кокшайское, Свияжское, Казань, Самару, Саратов, Камышинку, Царицын, Астрахань. Из Астрахани он поплыл через Низовую до Дербента. Из Дербента его путь шел через Шабран, Шемаху, Муганскую степь, Ардебиль, Халхал, Зенджан, Султанию, Абхар, Казвин, Саве, Кум, Кашан, Натенз до Исфахана. Дальше Исфахана русские купцы обычно не ездили. Хотя Котов и говорит о дорогах, идущих в другие страны, отмечая например, что от Шемахи, Ардебиля, Казвина можно пройти разными путями в Турцию, а из Кума и Исфахана — в Индию, однако сам он всеми этими путями не проходил, но он интересовался, через какие города надо идти, чтобы туда добраться. Обратный путь Котова, по всей вероятности, шел через Ряш—Гянджу (откуда идет путь в Грузию) — Ереван — Эчмиадзин — Малазгирт — Эрзурум — Эрзинджан — Карахисар — Вологор (Войлагор?) — Токат — Туркал — Амасью — Стамбул (л. 64 об.), что подтверждается подробным описанием пути в рукописи. Другой путь в Турцию он указывает уже менее точно: Казвин — Багдад — Басра, не называя промежуточных пунктов (л. 67). На пути в Мидию Котов знал лишь некоторые крупные города: Кум — Верамин — Тегеран — Фарабад — Мешхед — Кандагар; не зная, какие города есть после Кандагара, он писал, что дальше «все ити на восход солнца» (л. 69). Указывал он и второй путь в Индию из Исфахана на Кашан — Кум. Представление о сказочной Индии у Котова было довольно смутное.

Очень важное значение для купцов имели переправы через реки, поэтому Котов всегда отмечал, где была переправа на лодках, (л. 14), стругах и паромах (л. 15 об.), где переходы вброд (лл. 15, 27 об.), где есть мосты (лл. 14, 21, 24 об.). Мосты очень интересовали Котова. Он описывал их строение, отмечая иногда даже детали, например: через Куру переброшена железная цепь, чтобы было безопаснее проходить по мосту (л. 21), и т. п.

Котов сообщает важные для московских купцов сведения о таможенных пошлинах в Персии, например: в Тарке и Дербенте

2—4813

взимают с торговых людей «великие пошлины» (л. 18 об.), при переправе через Куру «рахтаны (пошлины.— *Н. К.)* емлют с верблюда по две абасы» (л. 21). При описании городов Котов обращает особое внимание на караван-сараи и «ряды» (так он называет базары), на количество лавок (лл.33 об., 35 об.), на национальность купцов — персы, индусы, турки, арабы, армяне, евреи (лл. 33, 19 об., 20 и др.), на то, какими товарами торгуют (лл. 36 об., 37 и др.), какие товары из каких стран привозят. Так, он говорит, что «миткали привозят из Индии и из арап» (л. 34), что в Урмузе торгуют немцы и купцы «аглинские и фрянцовские с товарами и с деньгами для покупки шелка» (л. 69 об.), а также сообщает о том, что в каком городе вырабатывается (лл. 33 об., 34 об., 35 об., и др.).

Хозяйство страны, столь отличной от Русского государства, привлекало его внимание. Прежде всего Котова поразили ирригационные сооружения. Почти не употребляя знаков препинания в тексте вообще, Котов ставит восклицательный знак в конце фразы «воды с гор по 20 и больше верст ведутся по подземелью!» (л. 27). Он отмечает несколько видов ирригационных сооружений: водные резервуары («ердани» — л. 23 об.), подземные кяризы — например, в Шемахе «воды... текут из столбов каменных, привожены из гор по подземелью» (л. 19 об.) или в Ардебиле «воды текучие приводные, а текут ис труб медных» (л. 23 об.), арыки — «а в садах и сквозе дворы реки копаные текучие» (л. 12 об.). Поразил Котова и впервые увиденный фонтан (л. 41 об.).

Сельскохозяйственные работы также нашли отражение в «Хожении» (лл. 13, 12 об., 29 и др.). Что касается сведений, которые Котов сам проверить не мог, — о них он всегда сообщает с оговоркой — «сказывают» (л. 33 и др.).

Данные географического характера у Котова почти всегда абсолютно верны. Как правило, он называет наиболее высокие горы, встретившиеся на пути. О горе Савалан он пишет, что она очень высокая и на ней весь год лежит снег (л. 24), что кавказские горы вдоль каспийского побережья тоже высоки, и снег летом с них не сходит (л. 12.). О горе Арарат он сообщает с чужих слов.

Котов также перечисляет реки, встретившиеся ему на пути: Тюменка, Быстрая, Сунжа, Малый и Большой Аксай, Койса, Кура и другие.

Пожалуй, у Котова впервые в русской литературе встречается указание на поднятие уровня воды в Каспийском море: «а сказывают, что еще того города море взяло башень с тритцать, а теперь башня стоит в воде велика и крепка» (л. 17).

Любопытны некоторые заметки Котова о климате Персии и в связи с ним о сельскохозяйственных работах. В районе Ардебиля, по его словам, «зима студена и летом студенее иных мест» (л. 24), и далее: «А зима в персидской земле невелика. Орют и сеют пшеницу и ячмень о рождестве христове и о крещеньи. И о великом заговеньи и после того великим постом станут снеги перепадывать. Ночью падет, а днем стает, а на горах снег больше падет, а по полям нет, и того по благовещеньев день. А земля не мержет, а всякой скот — овцы, и коровы, и кони, и буйволы все на поле, травою сыти бывают, сень не ставят. А хлеб поспевает, жнут на Георгиев день, а овощ прежде того. А другой хлеб сеют и поспевает на успеньев день. А не по всей земли хлеб родится — в ином городе хлеб жнут, а в ыном сеют в то время» (лл. 59, 59 об.). Котов подметил, что Гилян теплее всех остальных мест, но климат там нездоровый (л. 60). Он сопоставляет одно место с другим; так, он пишет, что дожди выпадают только в Гиляне; что во всей Персии, кроме Гиляна, лесов нет; что в Муганской степи вообще ничего не растет — ни злаки, ни овощи, ни леса — «только норы змеиные, да мышьи» (л. 21 об.).

Этнографические сведения у Котова очень интересны, Он говорит о разных племенах и народностях, встречавшихся ему по пути: о кумыках, кабардинцах и черкесах, о лезгинцах, ногайцах, татарах, муганах «живут в кочевных избах и кочюют где зиму, где лето» (л. 21 об.), о курдах. Азербайджанцев он отделяет от персов и считает, вероятно, выходцами из Тебриза (лл. 41, 42). С этнографической точки зрения интересны наблюдения Котова над жизнью и бытом персов (бест — лл. 22 об. — 23; уличные представления, борьба, игры, музыка — лл. 28, 28 об., 36, 36 об., 37 об.; брак — л. 35; казнь — л. 39 и т. д.). Довольно подробно описана одежда персов (л. 60 об.).

Котов впервые детально описал мусульманский пост и праздники: байрам рамазан, байрам курбан, ошур, ноуруз и др. Его познания в области религиозных обычаев других народов были не совсем правильны (лл. 62, 62 об.).

После деревянной Москвы персидские постройки показались Котову особенно красивыми. Он впервые увидел здания в три этажа—«и полата стоит над полаты, высоко в три статьи» (л. 31 об.). Украшения, позолота, резьба по камню — все ему понравилось. А чтобы его не обвинили в преклонении перед «бусурманской» культурой, он добавляет: «и про те мечети писано ни в похвалу, ни во славу» (л. 27).

Котов подчеркивает, что планировка восточных городов совершенно одинаковая: цитадель, собственно город и рабаты («посады»). Он отмечает, как перемещались центры торговой и ремесленной жизни, какие сохранились укрепления. Военной силе и укреплениям персидских городов, если судить по имеющимся спискам, Котов не уделил большого внимания; лишь в одном месте он писал о пушках (л. 32 об.).

Таков далеко не полный объем материала, который можно извлечь из путешествия Котова.

Хотелось бы отметить еще одну особенность «Хожения». Котов, вероятно, знал разговорные персидский и турецкий языки, и, может быть, немного армянский и грузинский (см. последние страницы «Хожения»). В «Хожении» встречается около 50 турецких и персидских слов, не считая перечисления букв алфавита и числительных. Терминология персов и турок была ему понятна, и он не затруднялся в переводе персидских и турецких слов на русский язык.

* * *

После опубликования «Хожения» Котова ученые неоднократно обращались к этому историческому документу. Специалисты по старому русскому языку исследовали особенности языка Котова. Упоминания о «Хожении» Котова есть в ряде трудов о русско-персидской торговле XVI—XVII вв., в работах по истории русской географии, изучения Востока в России и др.

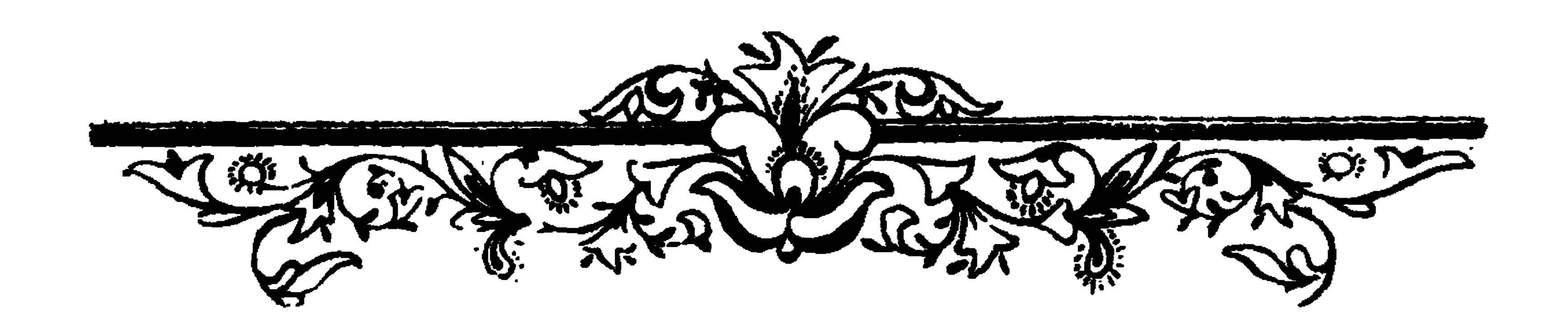
Предлагаемый текст «Хожения Котова в Персию» составлен на основании рукописи *Б,* наиболее полного списка второй половины XVII в. Первые четыре листа рукописи, как уже говорилось, утеряны. Следует также сказать, что за пятьдесят лет, прошедшие со времени последней публикации «Хожения» М. П-им, 5 и 6 листы рукописи *Б* пострадали еще больше, некоторых слов, которые были в 1907 г., уже нет. Чтобы дать полный текст «Хожения», пришлось взять его начало из хорошо сохранившейся рукописи В, списка XVIII в., полностью совпадающего с рукописью *Б* XVII в. Таким образом, начало предлагаемого текста «Хожения» Котова соответствует 1—7 лл. и началу л. 7 об. рукописи *В*; остальной текст полностью соответствует рукописи *Б*; Выше отмечалось, что рукопись *В* по написанию и языку отличается от рукописи *Б.* Язык ее приближается к современному. Этим объясняется различие языка начала «Хожения» и языка последующего текста.

При подготовке настоящею издания были учтены современные требования, предъявляемые к публикациям такого рода. Собственные имена и географические названия даны с прописной буквы; расставлены знаки препинания по современным правилам; десятиричное и (i), фита и ять заменены соответственно и, ф, е; нет твердого знака, древнеславянские цифры, обозначенные буквами, заменены арабскими цифрами и т. д. Значком // отмечены концы страниц рукописи. Разночтения даны в квадратных скобках с соответствующими указаниями — [рук. *А* и рук. *В*], разночтения приведены лишь смысловые; орфографические и другие разночтения не указаны.

К критическому тексту, предлагаемому вниманию специалистов, дан перевод для более широкого круга читателей. В переводе сохранены содержание и некоторые особенности стиля автора.

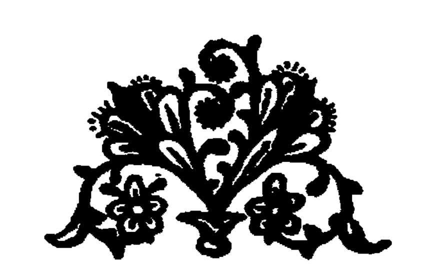
Примечания помещены в конце книги. Они относятся к оригинальному тексту Котова. К этим же примечаниям в соответствующих местах перевода также сделаны отсылки.

Н. КУЗНЕЦОВА

О ХОЖЕНИИ С МОСКВЫ В ПЕРСИЦКОЕ ЦАРСТВО И ИС ПЕРСИДЫ В ТУРСКУЮ ЗЕМЛЮ, И В ИНДЕЮ, И В УРМУЗ НА БЕЛОЕ МОРЕ, ГДЕ НА КОРАБЛЯХ НЕМЦЫ ПРИХОДЯТ

Критический текст

ЕТА 7131-го по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа* Русии и великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа // Русии указу купчина московский гость Федот [Афанасьев сын — *рук А.*] Котов, а с ним в товарищах 8 человек ходили за море в Персицкую землю в купчинах з государевою казною. Ис Москвы пошли Москвою-рекою мая в 6 день на память святого и праведного Иова многострадального. От Москвы до Коломны[1] 90 верст сухим путем, а рекою болше. А стоит Коломна город на Москве-// реке, а со стороны вышла речка Коломенка и пала в Москву-реку. А город каменной, что московский Кремль. От Коломны до Голутвина монастыря[2] 100 верст. Тут Ока река со стороны вышла. От Коломны до Переславля Рязанского[3] 90 верст горами, а рекою и болше. А Переславль Рязанский город деревяной, обит глиною, а круг посадов острог, а город стоит на осыпи // над рекою над рубежом, а Ока река от-

л. 1 | л. 1 об. | л. 2 | л. 2 об.

* Основу публикации составляет текст XVII в. (так называемая *рук. Б.*), начиная с л. 5. Так как в этой рукописи не сохранилось начало (лл. 1—4), оно взято для публикации из лл. 1—7 аналогичного текста XVIII в. *(рук. В.)* Подробнее см. предисловие, стр. 5—21.

«О хожении с Москвы в Персицкое царство...» Федота Котова. Рукопись *В* (XVIII в.) — л. 7 об.

«О хожении с Москвы в Персицкое царство...»
Федота Котова. Рукопись *В* (XVIII в.) — л. 8

шиблась от города с версту за лугами, а стоит на горней
стороне. В городе храмы каменные, тут архиепископ. От
Переславля Рязанского до Терехова монастыря[4] 90 верст,
а на дороге от Переславля пловучи вниз 15 верст, Выше-
город[5], а города нет, толко волость. От Вышегорода до
Старой Резани[6] 45 верст подле Оку реки. На горней сто-
л. 3 роне города // нет, одна осыпь, а дворы стоят врознь по
лесом на многих верстах. А Терехов монастырь стоит на
луговой стороне, ограда у монастыря и храмы деревян-
ные. От Терехова монастыря 90 верст до Касымова[7]. В
Касымове город деревянный стоит на луговой стороне, на
бугре от реки с полверсты. А подле Оку реки посады и
храмы руские. Да тут же живет царь Уруслан и посады
л. 3 об. под ним // есть, а служил московскому царю. Тут за ево
двором мечеть каменная да палата, где цари кладутся.
От Касымова до Мурома[8] 70 верст горами, а Окою ре-
кою 150 верст. А по дороге городище стоит на луговой
стороне, а зозут Елатма[9], тут посады. А Муром город
деревянной рубленой, высоко стоит на осыпи, а в нем
л. 4 храм каменной соборный. Туте // служит протопоп, а у тои
церкви в пределе Карпа во стороне муромские чудотвор-
ные благодатные князь Петр и княгиня Феврония в од-
ной гробницы. А около города места высоки, бугры. А
храмов каменных и деревянных и дворов много. А поса-
ды за городом, а стоят на луговой стороне красно над
л. 4 об. рекою Окою. От Мурома до Нижнево Новагорода // 120
верст горами, а Окою 150 верст, а по нагорней стороне
стародубщина живут, места хлебородные. А на половине
от Мурома до Нижнего Новагорода на горней стороне
Павлов перевоз[10], город был а не острог, высоко на
бугре, а дворы, и торги, и кабаки, и таможни в долу и по
буграм, место велико. А Нижний Новагород[11] каменный,
л. 5 высок, стоит в буграх на высоком // месте. Около посадов
острога деревянные и за острогами посады. А под горо-
дом сошли в реки Ока-река да Волга, Оки возля посада-
ми повыше города к степи течет промеж гор ручей, а зо-
вут Погана река. А стоит на горней стороне, а посады
л. 5 об. в городе и около города подолом и по ръвем. От Ниж-
нево Новагорода 120 верст // до Василю города[12], а
стоит над Волгой, на горней стороне, посады под горою.
А город был высок, на горе, да сожен. От Василю горо-

да 40 верст до Козмодемяисково[13]. Город деревянной
рубленой, стоит на поре, а Дворы вниз к Волге, кругом
острог, а стоит на горней стороне. От Козмодемяисково
до Чебоксар[14] 40 верст. А в Чебоксарах город деревян-
ной, рубленой, стоит на горней // стороне на горе, посады, л. 6
вниз к Волге пошли. От Чебоксар до Кокшайсково[15]
30 верст, город деревянной, рубленой, стоит на луговой
стороне, на горе в услоне, а посады под горою. От Кок-
шайсково до Свияжского[16] 60 верст, а город деревянной
стоит, от Волги за лугом на горней стороне, а под ним
вдоль стоят посады. Да Свияга (река течет к степи пони-
же города. От Свияжского до Казани[17] 20 верст. // А л. 6
Казань место большое, стоит на луговой стороне над об.
речкою над Казанкою от Волги 7 верст. А город камен-
ной, белой, стоит по осыпи, а за городом посады вдоль
около городу, а около посадов город деревянной, а Бу-
лак река течет сквозе деревянной город. А город и поса-
ды красно стоят, а за городом монастырь Луктов и сло-
боды, а кругом пошла степь, места ровные, // а посады л. 7
и ряды в городе, а около степь. От Самары[18] до Сарато-
ва[19] 350 верст. А на Саратове город стоит на луговой
стороне, стоячей острог и башни рубленые круглые, дво-
ры и ряды в городе, а за городом стрелецкие дворы и
рыбные лавки и анбары, где кладут с судов запасы. А
стоит над Волгой на ровном месте, а по нижнию сторо-
ну речка Саратовка вышла из степи, // а около пошла л. 7
степь во все стороны — [*рук В.*].От Саратова двести об.
веръст до Камышенки[20], на Камышенке речка Камы- л. 5
шенка[21] вышла из степи на нагорнеи стороне. А над реч-
кою на горе высоко стоит острожек стоячей. А тут стоят
по пяти сот и по семи сот стрелцов с весны до осени ка-
заньских и пригородошъных. А как на о[сень пойдут. —
рук. В] с осенным [астраханским то — *рук. В.*] варом, так
[острожек — *рук. В.*] сожгут. А то[ю рекою Ка —
рук. В.] мышенкою ходят на Дон, а ходу Камышенкою
рекою три версты в степь.

// А тамо волоку дватцать веръсть, казаки струги во- л. 5
лочат. А там река Илавла[22] потекла в степь и [выпала об.
в — *рук. В.*] Дон. Туде ходят [казаки на В — *рук. В.*]
олгу, а стрелцы стоят для воровских казаков и их имают,
а иных побивают. От Камышенки до Царицына[23] сто

пятьдесят верст. А на Царицыне [город стоит — *рук. В* на горней стороне, [невелик—*рук. В*] стоячей тын, баш[ни рубленые — *рук. В*] круглые на горе с[тоят певы — *рук. В*]соко. А над ним гора пошла и [стога *рук.*
л. 6 *В*]по нижную сторону города. Речка невелика те//чет, что ручей, а лоткою ехать нелзя. А около Царицына города кругом степь, а город стоит над Волгою. Дворы, и ряд, и храмы — все в городе. А круг города надолобы и всякая скотина для тотарсково приходу. А от Царицына ход на Дон полдни ходу степью, а выходят на Пять изб[24]. А по Дону городки всё казачьи, а по тем городкам живут казаки з женами и з детми и вниз по Дону и до Азова[25]. А Азов стоит на Дону за пять верст от устья Чер-
л. 6 об. ного моря[26]. А в Азове // два городка каменные турские. А от Азова до Кафы[27] ходят на кораблях морем. А в Кафе город каменной стоит над морем на правом боку моря. А от Кафы ходу до самого Стамбула[28] 16 дней, а ход морем на кораблях и сия повесть дозде.

Зде же возаратимся на предлежащий путь. А повыше Царицына города верст дватцать на луговой стороне река пошла Ахтуба[29] степью и пала своим устьем в море Хвалижское[30] пониже Астраханьского устья верст
л. 7 //с шездесят. Тут по той реки по Ахтубе стоит Золотая Орда[31]. Царской двор, и полаты, и дворы, и мечети — все каменные, а стоят и до Астрахани[32]. И ис той Золотой Орды камение ломают и возят в Астрохань на всякие каменные дела. А от Царицына города до Астрохани пять сот верст. А все пошло по Волги островы, ниские места, и лесов нет никаких. А Астрахань голод стоит над Волгою, стоит на луговой стороне. Город каменной ве-
л. 7 об. лик, и соборная церковь и монастырь // Троицкой в городе каменные. А башни у города подписаны ценью. А другой город к тому приделан, передняя стена от реки от Кутумовки[33], каменная, долга. Башни и ворота — все каменное, а две стены — стоячеи острог. А в каменном в кремле городе розряд[34] и запасные анбары приделаны к углу глиною высоко. А двор архиепископов блиско к собору. А роскат у ворот архиепископова двора деревянной, велик и высок о многих стенах. И стрелецких дворов много. А таможня, // и ряды, и кабаки, и
л. 8 дворы жилецкие и стрелецкие, и гостиные дворы рус-

кои, и бухарскои[35], и кизылбашскои[36] в другом городе и храмов много. И крымской двор в том же городе. Приделан стоячеи тын к кремлю и замкнут, а сидят в нем аманаты[37] и неволные люди и з женами, а у того двора стрелцы караулят. А по верхную сторону города речка Кутумовка пошла в степь и там пала в Балду[38] реку. А по нижную сторону города и около города тотарские юрты, живут // все тотарове[39], вкопався в землю, да кру- л. 8
гом плетенем оплетено и глиною обмазаны. А по степям об.
кругом города кочюют нагаи[40], а послушны Государю. А в городе торгуют после обеда, а до обеда торгуют за городом в надолобах с тотары, с ногаем, а жилецких и стрелецких дворов за городом нет, толко с верхнего конца монастырь на взгорочке. А под ним вниз к Кутумовке пошли сады. А в садех овощи, яблока, дыни, арбузы, тыквы, огурцы, изюм, дикои перец, капуста. // А л. 9
По нижную сторону города монастырь, из Троицкого монастыря выставка[41], да кузницы. А затем пошли юрты и сады. От Астрохани вниз три версты на луговой стороне, на которой Астрохань стоит, Царева Протока[42]- пошла из Волги и пала своим устьем в море. А по обе стороны тое протоки тотарские юрты, чтобы наши руские деревни. От Царевы Протоки на тои же стороне рыбная ловля астроханьского монастыря какараузик, по л. 9
рускому тоня, а в Астрохани зовут илым // четыре вер- об.
сты от Протоки. А против илыму на другои стороне, на крымскои, соль стоит метана великие бугры, а вожена с озер. А от Волги степью до озер шестьдесять верст. А соль гребут в Кобыльи озере[43], та соль красна. Да на Мачеговском[44] та соль бела и добра, и на иных озерах гребут. А к озерам протоки и теми протоки соль возят в павосках. От Астрохани тритцать верст на луговой стороне протока, тут учюг и ванчюг[45] Троицкого астроханьсково монастыря.

// Тут храм и двор. Оттуд пятнатцать верст до Бирю- л. 10
ля[46], тут город каменнои бывал и тотарская клетка стоить. От Бирюля до Урослоба[47] пятнатцать версть, тут учюг государевы. От Руслуба пятнатцать верст до Прорвы[48], тут караул, стоят стрелцы. От того караула тритцать верст до Четырех бугров[49]. А на Четырех буграх стоят бугров влево в море стоят гилянские бусы[50], а в устье и

под город под Астрохань бусы не ходят, стоят на море,
10 об. с устья одва ви // деть. А товары возят з бус в Астрохань
и из Астрохани сандалы[51] и павоски, и отътуть ходят за
море на бусах. А иза Астрохани на Русь к Москве ход
есть же. Ходят степью по луговои стороне и по нагорнеи
в станицах коими весною, и летом, и зимою, а переходят
от Астрохани до Москвы недель в семь и осмь. А за ста-
ницею ходят стрелцы, и тотарове юртовские для оберега-
ния от казаков и от казыевъеких тотар[52]. И государеву
л. 11 казну послали на две бусы авгу // ста в 8 день, на па-
мять иже во святых отца нашего Емельяна епискупа Ки-
зическаго. А ход за море [в Кызылбаши. — *рук. А.*]
итьти прямо на полдень севером и западом. А на правой
руки Терек[53], и Тарки[54], и Дербень[55]. И сухои путь есть
же за море от Терка, и про тот путь писано ниже, после
Шаврани[56]. А пошед от устья с пристани налево, итти
шелоником[57] на полночь, там ходят на Акраганьское
пристанище[58], а ходят мимо Яицкое устье[59] и в узбеки[60]
л. 11 об. в Бухары. И за море пришли з государевою казною // в
персидцкую землю, в шахову область. А пристали к
Ширванъскои земли[01] августа в 14 день на предпразнь-
ство успения пресвятеи богородицы и святаго пророке
Михея на пристанище Низовую[62]. А пристанище — место
пусто и ниско, две речки невелики. А устья песком занесло.
А с моря узнать три дерева стоят [издали видится. —*рук.
А.*] высокие, а иные лесы есть, да мелки и ниски. Тут
буское пристанище, а берег мягкои, каменья нет, при-
стань добра. А от той пристани вниз подле моря есть
л. 12 иные // пристани против городов и против пустых мест.
А возле море пошли все каменные горы высоки в шаховы
земли и до Фарабата[63]. А с пристани, от Низовой с вер-
сту, деревня велика Дербенской присуд[64]. Тут седит до-
рога, а по нашему приказнои человек. А над деревнею
горы высоки, и с них снег и летом не сходит. А в де-
ревни сады, яблока, изюм, орехи грецкие, чернослив,
миндалы, дыни, арбузы, а хлебно — пшеница, пшено,
л. 12 об. арпа, а по рускому ячмень, а иного хлеба нет. А//дво-
ры в деревне глиняные, а в садех и сквозе дворы реки
копаные текучие, а привожены из гор, а скота всякого
много, а делают, и молотят, и орют и всякои запас во-
зят на волах. А от Низовой ход в Шамаху[65] по горам

высока и нужно, а ходят на конях, и на верблюдех, и на быках, и [на ослятах — *рук. А*.] на вьюках, а тележного пути нет. От Низовой ходу до Шаврина четыре агача[66], [20 верст. — *рук. А*.], а по рускому во всякой агачи по 5 верст. А итти полями и мокрым местом. А Ша//врань л. 13
город был одна стена, да башня каменнои, да розбит и на ниском месте. А храмы, и ряды, и дворы в городе; а за посады каменые. А та Шаврань, и Шамаха, и Дербень со всеми уезды, и с ыными городы, и с пригородкп исстари была Ширваньская земля, а были те все городы под туръским[67], да взял тое Шарванъскую землю у тоурсково перъскои шах, по се число болши [мало болши — *рук. А*.] двадцати лет. А овощов тут всяких много, и птиц, и скота.

Зде же возвратимся на степьной [по степной — *рук. А*.] 13 об.
путь от Астрахани до Тер//ка и Шаврани. От Астрахани от города ходят на руских бусах и на стругах болших морем подле Черни[68], толко далече. А ходу морем погодою двои сутки, а не будет ветров своих ино струги в тихое время переходят неделею. А на Терки город деревяннои, не велик, толко хорош. А стоит над рекою над Тюменкою[69] на ниском месте. А храмы, и ряды, и дворы в городе; а за городом монастырь один, а против города за рекою сло- л.
боды великие — Черкаская слобода,//да Окоцкая, да но- 14
вокрещеных черкас слобода[70]. А через реку Тюменку мост деревянной на козлах высоко, под него проезд в лодках. А в Тюменку пала река Терек в болшую воду. А коли вода невелика и то место пересыхает. И того лета в Тюменки вода застаиваетца и бывает недобра. А болшой проход реки Терка вышла в Быструю реку[71], ниже Терка шестьдесят верст. А тот Терек река пала из гор и з гре- л.
бенеи[72]. А в гребенях живут казаки острошка//ми. А 14 об.
туде промеж гор и гребеней черкас, пошли в Азову кабарды[73]. А Быстрая река пала в море. А та река Быстрая нала из гор. А город Терек стоит от моря верст с пять, и тою Тюменкою выезд в море не одным устьем, а около все камыш. А около города Терка [садов много и в садех — *рук. А*.] всяких овощов много. А против Терка остров [Чечень[74] стоит в мори, ходу до него парусом полдни и тот остров — *рук. А*.] велик и рыбы много. И на том острове терские люди и тарковские [кумачаня[75] и

горские —*рук. А*.] черкасы[78] ловят рыбу. И от Астро-
хани до Терка, и от Терка до Астрохани сухои
л. 15 путь есть же. // Ходят степью в станицах, а от
Терка до Быстрые реки день ходу на вьюках. А место
итти тиновато, а через реку брод и перевоз стругами.
А по обе стороны Быстрой реки летом лежат
казаки по перевозам для немирных и крымских татар[77].
А от Быстрой реки день ходу до реки Сунши[78], а через
реку Суншу брод. От Сунши ходу день до Меншого
Аксая, а Меншеи Аксаи речка невелика. И нужна тино-
вато через нее брод, а итъти степью да камышем. От
л. 15 Меншого Аксая до // Болшого Аксая[79] полдни ходу. А
об. Болшои Аксаи речка невелика, через нее брод. От Бол-
шого Аксая до Койсы[80] реки ходу день или полтора, а
оттуду ход на телегах. А Койса река широка, идет из
гор, и тут на усть реки перевоз в стругах и в поромах.
А перевозят кумычаня или сами, хто едет, а струги и
поромы стоят безпрестани. От Койсы день ходу до Тар-
ков, а ход берегом возле моря и на телегах. А в Тарках
л. 16 посад невелик и острожек деревяннои стоячеи. И тут //
седит илдырхан, шурин шахов, того звут крымъшахом[81].
А люди живут в Тарках кумычаня, а послушны шаху. А
илдырхан родом кумычанин Салтана Муту[82], горскому
князю, брат. А Тарки стоят под горами от моря с версту.
А от Тарков в горы живут кумачаня и князь у них свои,
никому непослушны, живут в горах. От Тарков три дни
ходу по Дербеня, шахова города. А ходят на вьюках
промеж гор и моря ровным местом. А про // меж Тарка-
ми и Дербенем живут лязгинцы[83], князь у них свои, а
словет усминьской[84]. И город у них есть в горах камен-
нои. А сами живут в горах далече, никому не послушны.
И воровьство от них, на дороге торговых людей грабят и
их [иных —*рук. А*.] запродавывают, а коли и смирно
бывало, ино имали у торговых людеи со вьюка по три
киндяка[83]. И те места ходят с провожатыми. А ворует
усминскои князь, да каидатскои[86] с своими людми.
л. 17 А // Дербень город каменнои, белои, бывал крепок, тол-
ко нелюден. А стоит концом на горы, а другим концем
в море. А длиною в горы болши трех верст, а попере г
города сажен с триста, и лопере г город перегорожен ка-
менъными стенами в дву местех, ино станет три городы.

И сказывают, что еще того города море взяло башен с
тритцать, а тепере башня стоит в воде велика и крепка. л.
И от того города Дербеня стена бы//ла каменная через 17
горы в Черное море в Туръскую землю[87]. А посады вси об.
в городе, а за городом башни отъводные каменные. И от
того города Дербеня подле море вверх огороженo стоячими плитами каменными и тут лежат 40 мученик, а бусорманы[88] сказывают и арменья[89], то, де, руские 40 мученик[90] святые, и руские люди, хто ни ездит мимо, ходят
к ним прощатца, а иные и молебны поют четыредесятим л.
мучеником. А лежат по своим // гробницам и на них по 18
великому каменю белому, а резана на них подпись. А нихто тое подписи прочесть не умеет ни бусорманы, ни арменья, ни турки. А подпись резь велика. И тут над ними выросло три деревца. Да к тои же ограде пригорожена такъже каменем бусорманъское кладбище, и тут два сторожа бусорманъские. А около того великия кладбища старые и на них гробницы и подписи. А сказывают,
что подпись греческая. // От Дербени три дни ходу до л.
Шаврани степью промеж гор и моря на вьюках. А от 18
Астрохани ходят в Кизылбаши и в мелких стругах, под- об.
ле Черни до Терка, и от Терка до Тарков, и от Тарков до Дербеня и до Низовой, торговые люди и от Низовой ходят на Шаврань на вьюках, а ход в малых судех нужен тем, где погодою прибьет к берегу струг, ино емлют с них с торговых людеи, в Дербени и в Тарках великие пошлины, а к пустому месту при//бьет, и но усминского
князя да каидатъсково торговых людей побивают и живо- л.
ты емлют, берегут [берегом. — *рук. А.*] воровство вели- 19
кое! Путь от Шаврани на Шамаху. А итъти все горами высоко и нужно и безводно, а ходу три дни на вьюках, на верблюдех и на конях. А по дороги от Шаврани до Шамахи стоят три карасамраи[91], а поруски — гостиные дворы, каменные, крепки и добры, с амбары и конюшнями, и с вороты. А стоят пусты, ставлены изстары для
проез//жих людей наслегу от разбоя, а ныне смирно. А л.
Шамаха стоит промеж высокими горами в услоне. Город 19
каменнои и посады каменные, а город невелик и невы- об.
сок, а кругом города ров и ворота железом обиты, а посад, и ряды, и карамсараи стоят за городом. А в Шамахе семь карамсараев все каменные и воды на всех, а текут

из столбов каменных привожены из гор по подземелью!
л. 20 А стоят карамсараи промеж рядами тезичеи[92]. Армен-
ское на том и // руской люди, торгуют, лязгинской, ги-
лянской, бухарской. И иные карамсараи и местом велик.
А была Шамаха за турским, да шах взял в тоже время,
как Шавран взял. И старой город в Шамахи розбил,
что был около всего посаду, и турские мечети[93], да свои
поставил. А товары в Шамахе всякие, и шолков много
крашеного и сырцу. А шолк в Шамахе красят, а сырой
шолк родитца около Шамахи по деревням. Да от Ша-
махи же с полъагача [версты с полтретьи — *рук. А.*]
л. 20 об. на по // лночь стоят два сада — шахов сад, да шамахин-
скова хана. А в них всякие овощи и всякие цветы, и по-
латы в них каменные, и воды в каменных ерданях[94]. А
против тех садов высоко на горе город каменной пуст,
роспался, а называют тот город Александров[95]. А в Ше-
маху товары приходят ис Турской земли. И путь ис Ша-
махи есть в Туръскую землю, и про тот путь писано ниже.
л. 21 А зде писан ход к перъскому царю в Ыспагань[96]. // От
Шамахи ходу до Ардевиля десять[97] днеи. От города от
Шамахи полдни ходу через гор [одок— *рук.
А.*] высоко добре. И как горы перешел, итъти два дни
степью до реки Куры, а Кура река — с Москву реку. А
у реки деревня велика и торжишко. А через реку мост
на сандалех, да чепь железная по мослу протянута з бе-
регу на берег. И пут рахтаны [рахматы. — *рук. А.*] емлют
с верблюда по две абасы[98]. А тое реки болши нет во
всей шахове области. Тут брань [гране. — *рук, А.*] была
л. 21 об. в старину от турков // от Куры реки ити пять днеи
степью, ни городов, ни посадов, ни деревень нет, ни ка-
рамъсараев. А по тои степи живут муганы[99] в кочевных
избах и кочюют где зиму, где лето, и то словет муган-
ская степь. А на тои степи нет никакого хлебного, ни
овощов, ни лесов, толко норы змеиные и мышьи. А от к
Ардевилю ити три дни горами, тут деревни есть и карам-
сараи. А Ардевиль посад, города нет, а рядами, и карам-
сараи, и двора // ми, и всем болши Шамахи и лутче, а все
л. 22 каменные, и лавок много, а карамсараев болши дватцати
[много. —*рук. А.*] А товаров всяких много, и овощов, и
рыбу привозят от моря из Гиляни, и от Коры[100] реки с
устья, чтобы руская семга красная и укусом такова же!

А в Ардовиле салтан[101] да дорога. И по конец майдану
в Ардевиле, чтобы руской монастырь строен, и мечеть
велика, а называют шах Софея[102]. А строит сам шах, л.
тут // у него отец лежит и дед, да сын его Диво Мур- 22
за[103]. А стены у монастыря и мечеть все каменное, му- об.
равленое. А тут живут бусормане, тезики те же люди,
не черньцы. А у монастырской ограды многие вороты, а
у ворот чепи железные. И хто ково убьет, или розбои
сотворит, или долгу для, или от каких великих бед и от
смерти, и холопи от хозяев, то те люди вси тут убегают
и за чипь ухватятца руками, // и поцелует, и в мона- л.
стырь в тот уйдет, и тот человек никого не боитца, и сам 23
шах того не казнит. А кормят их вообще как в руских
монастырех, из одного котла из монастырьских доходов.
Ис того монастыря выпуск бывает, дают виноватых на
выкуп, кому они надобны, толко по том человеке веру
емлют, что их ничем невредить, ни казнить[104]. А к мона-
стырю приделана ограда каменная, и в той // ограде л. 23
ряды стоят со всяким харчем и с товаром, и воды теку- об.
чие приводные, а текут ис труб медных и стоят в ерданех
каменных. А болшои у них в монастыре поставлен от
шаха тезик-бусорман. А зовут матавелеи[105], тот мона-
стырем, и монастырским обиходом, и казною, и мона-
стырскими людми владеет. А называют его владыкою.
И его приходящии бусорманы и тутошные в ногу целуют. л.
А у ограды // над болшими вороты бьют по литаврам, и 24
в суренки играют поутру, да к обеду, да в вечере. А над
Ардевилью над посадом стоит гора добре высока и зо-
вут Салаван[106]. И на тои горе снег лежит во весь год и
летом не сходит. А зима в Ардевиле студена, и летом сту-
дение иных мест. И от Ардевиля в Турскую землю ходят
же через Тевриз[107].

А от Ардевиля до Халкана[108] ходу три дни горами и л.
ручьями нужно. А Халкал деревня вели//ка, тут арде- 24
вильские подводы переменяют, от Халкала день ходу до об.
болшие горы, а гора добре велика и высока, каменная,
и промеж тое гору течет река не велика, порожиста, по
неи ехать нелзя, а через тое реку мост каменнои велик
[и высок от воды. — *рук. А.*], а имя тое реки Кизыл[109].
И того ходу через реку по мосту з горы на гору ходу

л. день. А итъти на конях и на ослятах. А верблюжья ходу
25 нет для безмерные высоты. И через тое реку есть // другая дорога ниже горами. И по тои дороге ходят и верблюды с нужею. И перешод тое гору, ходу день до Зеньга[110] горами же исполога, и ровным местом. А в Венге [в Зеньге. — *рук. А.*] город был велик, каменнои, да разсыпался, одна подошва знать. А ныне города нет. Толко посад невелик, разореное место, и ряды есть, и карамсараи, а все каменное!

л. От Зеньга день ходу до Салтанеи[111], а все итти по-
25 лями, ровным местом, межу гор. А Сал//танея была
об. царство древнее, и город был каменнои, добре велик. И в том болшом городе кремль [нутреняй — *рук. А.*] город. А в кремле [нутренном — *рук. А.*] сказывают, болших дворов было болши 20 [тысяч — *рук. А.*] опричь большого города и посадов[112]. А ныне тот болшой город разорен до основания. А у нутренего города толко одна стена, да две башни, и ров, да заросль. А тепере посадишко, да ряды и
л. карамсараи, а все каменное — и царьского двора ворота,
26 и столбы каменные добре вы//соки, да во внутренем же городе стоит мечеть каменная велика и высока о многих верхах, а в не(й) четыре притвора велики. Сажен одне стены по пятнадцати и болше. И в одном притворе лежит царь с своим сыном того царства Салтамунит[113]. А сказывают, что то давное царьство было, да шах его взял
л. Софеи[114], нынешнему шаху дед, лет немного ста. А у
26 двух притворов, где царь лежит с сыном, в каме//нных
об. гробницах решетки медные деланы с яблоками болшими по мечю. И те яблока золочены и на них резаны травы и серебром навожены и видети велми дивно. А высотою решетки вверх сажен по десяти, а поперег по шти сажень. А на решетках дверцы в тои же решетки, а яблока в дверцех поменше. А сказывают, что то царь дань имал на инъдеискои земли и те решетки взял за дань на
л. инъдеискои земли за седмь лет. // И ту мечеть строил тот
27 царь, а другая мечеть в болшом [в другом. — *рук. А.*] городе велика, толко не высока, а в ней шестънатцать [51. — *рук. А.*] столпов каменных. И про те мечети писано ни в похвалу, ни в славу, а знать что было великое царьство, толко розорено. И иных мечетеи много. А стоит

Большая мечеть в Султании.

то царьство промеж высоких гор на ровном месте и
речка невеличка течет. А то все воды копаны и вожены
из гор верст по дватцати и болши, а вожены по подзе-
л. 27 об. мелью!
От Салтанеи полтретья дни [под 3 дни — *рук.*
А.] ходу до Авгаря[115] ровным местом промеж гор. А на
дороге течет речка невелика, коню под черево, а в Авга-
ре посад, города нет, ряды и карамсараи строино место,
толко невелико, а все каменное. А харчю и овощов вся-
ких много. И товары есть, а круг всего посаду сады! От
Авгаря два дни ходу до Казбина[116]. А Казбин (посад
л. 28 болшои и славнои велик, а города нет. // А Шамахи и
Ардевиля посадов и ряды карамъсараи всем болше, а в
Казбине дворы шаховы. строины стоят. Болшими вороты
и маидан. А маидан в Казбине велик [невелик —
рук. А.] и ровен весь, а около маидана решетки деревян-
ные. И круг всего маидану ров, а в нем вода. А на маи-
дане всякие тамаши, борцы борютца, и куклы играют,
и живые змеи выпущают и в руках носят, и по книгам
л. 28 об. волхвуют, и всякого харчю, и овощов на маидане // про-
дают много; и детеи учат [грамоте — *рук. А.*] на маи-
дане. А рядов, и карамсараев много, и всяких товаров, и
садов, и лес саженои держат; во дворех то у них честно.
И тут в Казмине кормят шаховы звери — слоны и баб-
ры. А о бабре писано ниже каков бе. А ис Казбина ход
есть же в туръскую землю на Богдат[117]. От Казбина шесть
днеи ходу до Савы[118], [на Багдать. — *рук. А.*], все ити
ровным местом промеж гор. А в Саве посад невелик,
города нет; ряды и карамсараи все каменное, // а ово-
л. 29 щов всяких много!
От Савы до Кума[119] два дни ходу ровным местом
промеж гор. А в Куме — город, толко худ зделан из
глины, что садовои замет, да башни. А с приезды от
Савы шахов двор и карамсараи строино место и ряды, и
карамсараи, и товары есть, а овощов всяких много. И
тут делают добрые сабли, и латы, и колчюги, и всякое
булатное дело, тут хлеб добр и вода студена. А ис Кума
ходят в Мултанеиское царство[120] в Ындею // на вьюках
л. 29 об. на верблюдех и про тот ход писано ниже!
Зде же писан ход в Перское царство в Ыспагань. От
Кума ходу два дни до Кашина[121] ровным местом промеж

гор. А в Кашане город толко худ. А с приезду от Кума в Кашане шахов маидан и дворы шаховы и стоят вороты на маидан; место велико, рядов, и карамсараев, и товаров много. Тут делают дороги кашанские, и бархаты, и кизылбашские камочки, и овощов всяких много, // а рыб л. 30
никаких нет. От Кашани два дни ходу до Нетензя[122], а итти ровным местом промеж гор, а стоит на ровном же месте. А на дороге от Кашана до Нетензя, среди степи, стоит гора высока, [не висока — *рук. А.*] кругла, с одну сторону песочна, а з другую камеииа и круг нее ход; а по верхную сторону под нею озеро соленое. И на тое гору сказывают нихто не сходит, а там не знают, что есть на тои горе. И сказывают бусорманы, что многажды на тое гору ходили да ни//хто с нее не соидет, там де на л. 30 об.
горе погибают[123]. А гора невелика и невысока, толко подле нее ехать ужасно. А издали видится за два дни и болши со обоих сторон. И тое гору зовут невсходимая. А в Иетензе города нет. Посад стоит в буграх невелик и ряды плохи, а карамсараи каменнои, новои [а на дороге против посаду гостин двор новой. — *рук. А.*]. А овощов всяких много, а под посадом гора добре высока, взошла шеломянем и на тои горе стоит на верху мечеть каменная. А сказы//вают, что был шах в Нетенъзе и стоял на л. 31
поле, тешился. И на тое гору залетел у него кречат и убился. И шах для того веле поставить мечеть над кречатом на славу себе и всходу на ту гору мало, высока добре, а стоит пуста. От Нетензя три дни ходу до Испагани все ровным местом меж гор, толко каменисто. И в Ыспагань пришли во 7132-м году июня в 20 день. А Испогань стоит чтобы в рукаве промеж гор высоких на ровном месте.

А Испогань царьство персидцкое настолнои город великои, строинои, толко город худ, чтобы замет круг садов глиняној. А царские дворы стоят вороты на болшои л. 31 об.
маидан. А ворота высоки и над вороты полаты писаны золотом. И полата стоит над полаты высоко в три статьи, а все выписаны золотом. И в те полаты приходят всякие послы и купчины. И шаховы полаты, в коих сам живет, от ворот далече стоят, в садех, ниски, а зде [где. - *рук. А.*] шаховы // жены живут и того двора болшие ворота л. 32
на маидан же, а те ворота не высоки. А полаты в коих

живут, те палаты в садех же, от ворот далече, а у обоих ворот стоят беки да тюфянчеи, а по рускому дети боярьские да стрелцы, а середи города и посадов маидан велик и широк. И около маидану ров выкладен каменем, а
л. в рову круг всего маидану вода. А по обеим концам маи-
32 дану стоят по два столба каменные высо//тою человека
об. в два. А на маидане против шаховых ворот лежат пушки медные и железные, а пушки есть и болшие, а лежат нестроино без станков и без колод, а иные песком и землею изнабиты. А маидан весь гладок и ровен нарядной [велик добре и широк. — *рук.* А.], а длиною сажен болши четырехъсот, а поперег сажен со сто. А около маидану ряды, и кафы, и гостиные дворы, и мечети — все каменные. А гостиных дворов, сказывают, болшие ста, а все
л. каменные. // А у них перед анбары и в анбарех писано
33 розными красками и золотом всякие травы. А торгуют на них всякие люди: тезики, индейцы, турки, арапы, арменья, и аравляне[124], [аврамляне, жиды, лязгинцы и всякие люди. — *рук.* А.] и жиды. А с конца маидану ворота высоки [в тынчак, а над теми вороты высоко. — *рук.* А.], стоят часы, а где часы стоят и то место выписано золотом, а зделано стройно, а у часов мастер руской. А теми вороты ходят в тынчак[125], тот у них болшой ряд
л. и велик, кабы у нас суроской. И тут у них всякими // то-
33 вары торгуют. И в тои тынчи и денги делают: А в ряду
об. лавки каменные с верхними анъбарами и своды каменные покрыт строино. А перед лавками и в лавках писано розными красками з золотом, а у тынчи по обеим концом ворота великие и чепи железные [для конных— *рук.* А.]. А в тынчи лавок, опричь верхных анбаров и киюз[126], а русских с 200. А по сторонь тынчи ряд, а в том ряду делают всякое медное дело. Да в том же ряду и киндяки
л. делают, // красят, а миткали привозят из Индеи и из
34 арап. А ряд каменной с верхними анбары и своды каменные. А лавок в том ряду есть до четырех сот. А не тынчи вытить на правои руки, мимо шаховы ворота и в том ряду товары торгуют и башалаки продают, и сабли и шатры делают у шаховых ворот, а ряд и своды каменные и с верхними анбарами. А в том ряду, опроче верхних
л. анбаров, есть двести. А промеж теми ря//ды есть инои
34 ряд, а на другой стороне маидану против тынчи ряд ка-
об.

меннои и своды каменные. А в том ряду делают сундуки
и всякое деревянное дело, решетки, и книги пишут, и
чернило, и чернилницы продают. А посередь того ряду
строит шах болшую мечеть вново велику, а делают по
7133 год, шестои год. А величеством мечеть от болших
дверей длиною 80 сажен, а поперег и с приделы [тою
много болши — *рук.* А.] со 100 сажен, а камень делан
// рознои, и делом, и каменем строино и воды в неи. А л. 35
не покрыта, уряжена что скверная невеста. А еще не зде-
лана, а перед мечетью над вороты и в мечети выписано
золотом и тут перед мечетью седит их кешит болшой и
судит мужей з женами и роспущает их и грамоты рос-
пустные дает. Да того же ряду по другую сторону тое
мечети ряд, тут делают седла. А лавок в том ряду, опро-
че верхних анбаров, девяносто. // А по левую сторону л. 35 об.
тынчи, против шаховых ворот, на другои стороне маида-
ну ряд, а в нем торгуют всячиною и шелковное дело де-
лают, и бумагу бьют. А посередь того ряду, против ша-
ховых ворот, мечеть велика каменная. А в том ряду ла-
вок двести, а те ряды около маидану и позади тех ря-
дов и по стороиь, иные ряды есть же и по крестцам[127], а
все каменные. А подле маидан, от тынчи от левые руки
и от правои по о//бе стороны поделаны полаты камен- л. 36
ные, а зовут кафы и выписаны красками и з золотом, а з
двух сторон каф решетки деревянные, куды кизылбашн
смотрят на игру [но и денег не дают — *рук.* А.]. А вер-
хи у всех выписаны красками же з золотом и во всех
кафах, выше человека, протянуто железо волоченое и
уплетено, что сеть или шахматная доска. И во всякои
клетки поставленои по стопке склянои, а в них налито
щербачья масла с фильтею. И те склянки зажигают// л. 36 об.
с маслом по вечерам, да в кафах же зделаны ердани
каменные с водою. И круг тех ерданеи робята пляшут з
звонцами [с индейскими — *рук.* А.],а иныя бьют по буб-
нам, и в суренки играют, и в сопелки, а робята все мо-
лодые и хорошие. А платье на них и челмы и кушаки
з золотом, а по пояс около гузна чтобы бор[128], что
хупавые. А на маидане торгуют всякими товары, и ме-
лочью, и ветошью, и всякие овощи продают: яблоки, и
арбузы, дыни, и гру//ши, и огурцы, и всякои виноград, и л. 37
хлебное: пшеницу, и муку, и пшено, просо, и дрова, и со-

лому пшеничную; а сен нет во всей шахове земли толко трава в трубках верчена. А все продают в вес в батманы[129]: дрова, и траву, и муку, и пшеницу, и масло [мыло — *рук.* А.], и всякие овощи.

Да тут же на маидане всякие тамаши делают и
л. костью играют в братынях, и землею и камышки розво-
37 дят, играют[130], и по книгам вол//хвуют и абдалы[131] рос-
об. казывают, как их клятые жили, и веру свою отвержают.
О них же абдалех писано ниже. И под конец того же маидану, у тынчи на верхних анбарех, взделано чтобы великии сараи и покрыты, а со все стороны поло. Тут бьют перские люди по набатам и по литаврам и в болшие трубы трубят, а трубят, чтобы коровы ревут, и в суренки играют — то на правои руки у тынчи. А на левои
л. 38 руки тынчи такои же зделан са//раи тут бьют в 20 набатов, и в трубы трубят, и в суренки играют туръские люди, что взял шах в Багдате. А с майдану ежевечеров людеи со всякими товары и с харчем ссылают и майдан чистят и равняют мелким камением, хрящем и водою поливают для летного конъского праху. И тут на майдан сам шах, сам выежжает, тешитца мало не ежеднеи, и
л. в кафы. А теши у него: пляшут перед ним робята ис каф,
38 а иные против//его стоят на майдане со свечами воско-
об. выми, а свечи горят. И около всего майдану чираки горят с нефтью и того тешитца долго вечера. И стреляют порохом и селитрою ис писчеи бумаги и летают по майдану, что змеи.

А шах охочь и днем гуляти по маидану и по рядом не во многих людех, толко перед ним ходят скороходы с батошки, а иные [иное — *рук.* А.]и без скороходов. А от
л. 39 болшого маидану, от тынчи // на левую руку итъти версты с полторы. А ити все рядами каменными до старого майдану, а на старом майдане всякое хлебное, и овощи, и дрова продают, а все в вес. И всякие томаши делают: змеи живые болшие выпущают, и волъхвуют, и людей виноватых всякую казнью казнят, брюха порют, и кожи з живых
л. здирают и на уды мечут.
39
об. [Чистая страница].

7132-го году июня 25 день шах пришол[132] от туръ-
л. 40 ского города ис под Багдата, город взял. И в том же

городе Испагани стречали шаха промеж садок и армен-
ских [и жидовских, и авраменских, и тевризских —
рук. А.] слобод. А на стречю вышли из града все люди
з женами и с детми, весь народ по статьям: кизылбаши
и перси, арменья своим полком з женами и детми, индеи-
цы своим полком, жидове своим полком з женами и дет- л.
ми, аврамляне своим полком, кюрты// своим полком, а все 40
пеши блятки своим полком. А все на конях, а сидят баско и об.
щапливо, скороходы и з барсы, а платье носят чисто,
з золотом и кони держат быстры. А ездят перед самим
шахом, да перед шахом же идучи, пляшут ребята кафимъ-
ские и в ладони плещут. А пляшут з звонцами индеи-
скими, а встрича была шаху от большого маидану за
пять веръст. А дорога ехать промеж сады арменъские, // и л.
жидовские, и аврамские, и тевризские слободы. А сады 41
шаховы строины. А те сады до тех мест дошли, где сам
живет шах. А у тех садов заметы каменные и ворота в
сады часты [все дощатыи — *рук. А.*] по обе стороны
садов. А ворота выписаны золотом, а на воротех полаты
и перед полатами крылца, а все выписано золотом, и вер-
сты за две от мандату, промеж тех же садов зделана л.
болшая ердань каменная, стоит по//лна воды. А середь 41 об.
ердани поставлена труба медная стоячая и ис трубы
вода бьет вверх испод земли выше человека. И приеха-
ли на мост в тех же садех, а тот мост через реку Испо-
ганьку. А та река невелика и мелка, человеку и коню
вброд, а прошла сквозе сады и слободы [а течет из горы —
рук. А.],а рыба в неи чтобы руские подъяски, толко укус
свои [да и тех мало добре. — *рук. А.*]. А опроче тое ры-
бы никакой нет. А до того мосту не доехав, тут пошли л.
промеж сады от улицы // концами в поля слободы, а по 42
их жулфы:[133] армянъская, аврамская, жидовская, тевриз-
ская — велики и людны. И у них по своим верам став-
лены и мечети. А через реку мост каменнои велик и вы-
сок и того мосту сто пятдесят сажен длиною. А по обе
стороны того мосту, что городовая стена, высока и тол-
ста и наверх стен лествицы [каменные.— *рук. А.*]. А
сквозе стены ход, люди ходят и оттуда леетвицы вниз
к воде, а шириною тот мост сорок//сажен. И тут на сте- л. 42
нах того мосту, по обе стороны, сидели жонки ряда в об.
два и [как мога — *рук. А.*] в три, в то время как шах

шол изпод Багдата, и крычат все как мошно во весь
голос, и руками бьют себя по губам, голосы раздваива-
ют. Да тут же наверх мосту в болшие трубы трубят, и
в суренки играют, и по литаврам и по набатам бьют,
и все люди, и жонки, и робята, и девки кричат, да пля-
л. 43 шут, как шах шол. И тот крик стра // шно слышати и
не мошно слова друг з другом промолвити, и теснота ве-
ликая ехать и пешим итти, друг друга подавляют, и
платье обдирают, и стремена отрывают, и пеших топь-
чют. А заповедь в царстве такова: хто не идет шаха
встречать от седми лет да по осмидесят лет мужсково
полу и женьсково, того казнят смертною казнью — брю-
л. 43 об. ха порют. А от мосту ехать промеж сады ж дорога ули-
цею широка, а в сады ворота//так же часты и золотом
писаны. И над вороты полаты и крылца золотом же
писаны. И доехали, по обеим сторонам оулицы стоят
две мечети каменные, а в них писано красками. И от
правои руки из мечети вышли на встречю шаху их мулълы
и кешиши, а по нашему попы, а вынесли что киот, а
в ней кумир их написан. И тут шах прикладывался, а
муллы и кешиши стоят и поют, а свечи у них в руках
л. 44 горят // восковые [высокие — *рук. А.*] велики, в аршин
и болши [и в полтора — *рук. А.*], а один конец у свечи
тонок, а другой толст и всякими красками крашены:
красною, и зеленою, и синею [лазоревою — *рук. А.*]
желтою [и белою — *рук. А.*],а зажигают их с тонково
конца. И против тое мечети на левой руки сада другая
мечеть тоже каменна и красками выписана. А в ней
стоят на стене четыре образы руские — христово рож-
дество, да вход во Иерусалим, по другой стороне стоят
л. 44 об. преображе // ние Господне, да богоявление и подпись
руская, а писаны на красках, а образы пядница. А стоят
выше человека, как рукою досягнуть, а сказывают, что
принесены от грузинские земли. Да в той же мечети на-
писан на доски их болван мужичеи образ и тут лежат
в мечети шесты с праперы. Не пременяя к тому, а чтобы
наши хоругви, коли о праздниках с образы носят; а у
л. 45 них те шесты носят на их // праздники и перед мертвы-
ми, а шесты долги и тонки, виноградные, длиною са-
жен по десяти, а как их поднимут, так шесты изгибают-
ся. А у них у верху привязана тафтица уска, тонка,

сажен с пять до полушеста висят, а наверху шестов что ножницы, или что жаравеи нос железное, а на иных шестах, что крыжи решетчатые и круги, и львы [и кумилвы — *рук. А.*]. А в тех мечетях живут и берегут абдалы. А те л. 45 об.
мечети//стоят полы и ничего в них нет, толко паникадила медные, а деланы на свое дело и головы литы из меди змеиные. И те абдалы ходят по майдану, и по улицам, и по рядам и рассказывают про житье клятых своих, как жили и скончалися, а ходят наги и босы, толко закрывают у себя срам овчиною и через плечо носят овчину же шерстью вверх, а на голове носят колпаки дурны, а в руках носят па//лицы, и копьи, и топоры, а в ушах каменье хрустали [большие — *рук. А.*]. А л. 46
образом страшны, что бешеные и дурни. Днем ходят по маидану и по улицам, и мало едят и пьют днем, а ночью и чихир пьют и з блядками и с робяты блуд содевают.

Сия повесть до зде и конец, понеже бо не все исписать. Что видели [своими очими — *рук. А.*] то и написали.

Зде же писано о праздниках // бусорманъских в перскои земли. л. 46 об.

Первои у них праздник год починают марта месяца, как в небе увидят млад месяц. И тот у них праздник зовут баирам наурус[134], а по нашему новой год. А празднуют, как нов месяц увидят и тое ночь всю не спят, играют, и в трубы трубят, и в сурепки, и по литаврам безпрестани. А с вечера во всех рядех лавки украсят, выбелят и выкрасят красками, всякими // цветы укра- л. 47
сят. А на утро во всех лавках и по домом свечи и свешники, и чираки иззасветят сколко хто может, по десяти [или по 20 — *рук. А.*] болше во всякои лавке, и того светят часа с три. И свечи погасят и лавки, и ряды иззапрут, и по домам розоидутся и не торгуют ничем, толко на маидане всякие игры и тамаши делают, и красными яицы биются, и в руках носят, и друг у друга руки целуют, а в до//мех у собя в полатях и в садех выстелют ковры, и что у них есть каково живота и платье и л. 47 об.
то ростелют на ковры, и по всему по тому валяются, и денгами себя обсыпают, а у кого не великие денги и и он их в хамъяне беспрестани пересыпает. А говорят то, чтобы де у нас в новой год на всякой день прибывало. А

того празднуют по три дни и в трубы трубят, и в сурепки играют, и по литаврам, и по набатам бьют, тем
л. 48 они//свои праздники празднуют играми. А в мечетях никакого петья нет. Толко взлезут на мечеть их мулла, да уши свои заложит палцы и, голову закиня на небо, да кричит[135] [молитву по своей вере — *рук. А.*] И того трою днем кричат с утра, да в полудне, да в вечере. А празднуют блудом, противно всякого праздника с женами спят и з блядками проводят з гостиных дворов сколко хто захочет и может, а сказывают, что в том греха нет, в том, де, спасение.

л. 48 об. А другой у них праздник — июль [июнь — *рук. А.*] месяц постятся весь[136]. И пост у них таков: в день ни пьют, ни ядят, а как солнце заидет и они пьют и ядят мясо [и всякой скором, от мяса и молока посту нет — *рук. А.*] и в кафах, и на маидане играют, и пляшут, и всякие тамаши делают, во всю ночи со свечи и свешники, и с чираки, и з женами спят и з блятками. А и тот у них пост волнои, хто хочет, тот и поститца, а хто не хочет, тот и не поститца.
л. 49 А служилые люди не постятца. А пост у них только // один во весь год. И как тот месяц по небесному проидет, и усмотрят на небеси новои месяц август, и то у них праздник — байрам рамазан[137]. И в тот праздник разговеютца, станут в день ясти и пити, а против праздника во всю ночь не спят, станут с вечера в трубы трубить, и в сурепки играть, и по литаврам и по набатам бить, да тоже свечи в рядех, и в лавках, и в кафах иззасветят, и на маидане
л. 49 об. пляшут, //и в ладони плещут, и всякие тамаши делают, и яйца красные продают, и в руках носят, и друг у друга руки емлют да целуют руки, и ничем не торгуют, и ряды иззапрут. А празднуют по три дни тоже в сурны и в трубы трубят и в набаты и по литаврам бьют!

Да того же августа месяца в 15 день была у шаха тамаша, а не праздник. Собралися весь народ на маидан
л. 50 против шаховых // болших ворот, а все с куфшины, и с пьяли, и с чарки, и с чаши, и сам шах на крылце, что над болшими вороты, и с ним послы и купчины. А перед самими вороты играют и бьют [трубят — *рук. А.*] В болшие трубы, что буйволы ревут, и в суренки играют, и бьют по литаврам и по набатам [а люди на майдане все пляшут, и в ладони плещут, и в верх скачут — *рук. А.*]. И как шах

от себя с крылца улил воды на землю и на людей, так все
люди почали перед вороты и по всему маидану литца во-
дою и в воду друг друга таскати, и грязью мазатца чей л.
// хто ни есть. И ближних шаховых всех грязью замазали, 50
а шах велит на ту тешь всем людям быти в лутчем платие. об.
И тою водою льютца и грязью мажутца всех чинов люди
часа з два, а сам шах с крылца тое теши смотрят, и то у
него теш, а не праздник!

А третей у них праздник станут праздновать сентября
с 1-го числа по небесному, как нов месяц увидят и празд- л.
нуют по 10 дне // нова месяца [и празднуют 9 дней и в 51
10 день нового месяца — *рук. А.*]. А в ту 10 дней водят
верблюда. И тот у них праздник байрам курбан[138], а ска-
зывают против того праздника, как Авраам сына своего
Исаака на жертву привел. Выходят из царьства на поле
и того верблюда в ту десять днеи водят по маидану, и по
рядом, и по всем улицам, а одет верблюд коврами, да
всякими цветами украшен, а перед верблюдом ходят, да
в суренки играют и в бубны бьют, а сторонни люди, и л.
жонки, // и робята с того верблюда шерсть щиплют на спа- 51
сение себе. И как приидет десятое число месяца, и того об.
верблюда поведут из города на поле, а перед ним поне-
сут копье и топор нарядные. Да перед верблюдом же, как
его ведут на жертву, идет великои полк испаганъцов, а все
связьем, и вопят всякои во весь голос, что бешеные. А пос-
ле того полку, идет другои полк связьем же — тевризцы л.
и вопят тоже, что бешеные во весь // голос, И все люди, 52
идучи перед верблюдом, вопят. И тот людъской крик и
конъское смешение страшно видети и слышати. И как
того верблюда выведут на поле, а там на поле место учи-
нено, чтобы гумно росчищено и водою полито. И как вы-
едет сам шах, и с ним вси ханы и салтаны, и ближнии
шаховы люди, и вси служивые, и все люди з женами и з
детми, и выедет дорога, а по нашему городовой боярин,
в Ыспогани всякие // дела ведает, и суды судит, и винова- л.
тых казнит. Тот было грузинскои царевичь. А за ним при- 52
несут на ратовищи на одном конце роготиня, а на другом
копье нарядное з золотым яблоком да топор наряднои. об.
И того верблюда повалят на том уряженом месте. И ноги
у верблюда свяжут, а на ноги и на голову верблюду изся-
дут мясники с ножи человек с тритцать. А сам шах и вси

л. 53 люди к верблюду съедутца, и послы, и купчины и // ных
государств. И сам шах, седя на коне, станет говорить
фату[139], а по нашему молитву, по своей вере. И как мо-
литву проговорит и рукою махнет дороге и дорога приедет
на коне к верблюду и возмет у носящаго копие и ударит
верблюда копьем с коня промеж ребр, а сам и прочь по-
л. 53 об. едет, а копье в нем оставит. А шах, и все его ближние,
и послы, и купчины, и все люди с того места скоро поедут
и пешие побежат. А те мясники тот час голову // у вер-
блюда отрежут, и его разсекут на жеребьи и понесут к
шахову двору. И как шах поедет, и вси людие; а ехать
улицею меж сады и местом, что преже сего писан. И теми
улицами и мостом одва мошно проехати от людского и
от коньского утеснения. А на верх мосту все седят жонки
во весь мост, и не в один ряд и вопят во весь голос, а ру-
кою бьют сами себя по губам, голос раздваивают. И от-
л. 54 того крику страшно слышати. И как приехал // шах в
передние сады и зошол на крылцо над вороты, что в саду,
и с ним ближние его люди, и послы, и купчины и голову
верблюжью тут же привезли на лошади. И тое верблю-
жью голову перед крылцом перед шахом на каменном
мосту подняли мужиком на руках высоко, да о землю
опустят и сами мужики завопят; и того вздымали, да опу-
л. 54 об. шали до пятью, и после того подняли на плечи мужика
и с плечь на руки, выше голов своих, // и держали его ве-
ликое время, а шах стоял в крылце и молитву говорил по
своеи вере, как мужика держали на руках и опустили его
на землю. А голову верблюжью понесут на болшои маи-
дан, и ноги, и мясо. И там все люди соберутца на маидан.
И те полки станут связьем по своим полком и станут би-
тись о верблюжье голове тевризцы с ыспаганцами, и бьют-
л. 55 ца великим боем на конях и пешие, и до смерти уби-
ваютца, и которой полк осилеет и побь // ет и тот полк
верблюжью голову возмет, да к шаху отнесет, и тот полк
шах пожалует. А хто на тот бои не идет и про тех людей
сказывают дороге. И тем людям дорога чинит поучение и
заповеди правит; или которого мужа жена не идет против
шаха в стречю и тем мужам так же поучение делают и
пеню правят. А в другие не выидет муж или жена и тех
л. 55 об. дорога казнит. А того празнуют по три дни, не делают
ни // чего, и не торгуют, и набаты бьют, и в трубы трубят,

О хожении с Москвы в Персицкое царство..» Федота Котова
Рукопись *Б* (XVII в.) — л. 56

«О хожении с Москвы в Персицкое царство...» Федота Котова
Рукопись *Б* (XVII в.) — л. 56 об.

и в суренки играют, и красныя яйца продают, и друг друга
за руки емлют, и целуют руки друг у друга. А тому баи-
раму, как проидет неделя, так во всю ночь в набаты и по
литаврам бьют, и в сурны играют, и в трубы трубят до
пятого часу дни, а в мечетях ничего не поют и не праз-
нуют никак, опричь игор!

// А четвертои у них празник — баирам ошур[140], ноября л. 56
по небесному с первого числа до того же месяца по де-
сятое число. Ходят по два мужика вместе на многие ста-
тьи. А сами ходят наги и босы, только в одних штанах, а
вымазаны все черною нефтью и черны, что арапы, только
одне зубы знать. А держат у себя по каменю в руках, а
ходят по маидану, и по улицам, и по рядам, и по дворам
и в те камышки бьют, а говорят ксен ксен // таусен л. 56 об.
ксень[141], а говорят то беспрестани и ходят до самого
своего праздника десять днеи. А в самои празник ходят по
маидану и по улицам и носят гробы, поволочены бархаты
и украшены медью, паздерою, и оловом, и стеклы и перед
теми гробы на верблюдех ездят робята наги, а седят го-
ловою к хвосту, а вопят тоже ксень. Да перед гробами же
носят долгие шесты, что про них выше писано. Да перед
гробами же // водят кони обседланы со всею збруею, и л. 57
шелом, и латы, сагадак[142], и сабля, и копье носят, да два
маленких ездят на конех наги, а тело у них, и голова, и
лице все кровью вымазано. А на инои лошаде ездит му-
жик наг, бараньею кожею сырою оволочен шерстью к те-
лу, а сырым вверх, да стрела продета сквозе кожу на
хрепте. Да перед теми же гробы возят на ишаке нарядного л. 57 об.
мужика, зделан мехом, да набит соломою, и сагадак, и //
стрелы зделаны из лучины и на голове колпак с кистью,
а со сторон поддерживают, чтобы не упал. И ему ру-
гаютца и плюют на него. А все то на маидане и все люди
з женами и з детми, а жонки плачют, а мужики и робята
головы у себя кроят [и на руках и по подмышкам — *рук. А.*]
бритвами и ходят кровавы, а на руках и на грудех про-
резывают и мажутца кровью — лицо, и голову, и руки.
А того соломянного мужика вывезут на поле за город и
вынесут соломы и нефти и нефтью по // льют и сожгут, а л. 58
сами вязъем бьютца. А то они празднуют клятым своим, в
то время их побили и Мамсеня[143], а что робята кровавы,
то его дети, а что соломянной мужик, тот де их побил!

И всего в персидской земли четыре празника, а что
про них писано и то им не на славу, но на укоризну, и
понос, и на пагубу им!

л. // А во всякои недели празнуют день пятницу. В тот день
не торгуют и в рядех не сидят, а сами против пятницы з
58 женами спят и з блятками, и перед светом в банях мьют-
об. ся, и на свету по утру в пятницу ходят на кладбища, где
мертвыя их лежат и тут над ними плачют, то у них праз-
ник. И им на укоризну, а не в похвалу.

А сказывают, что в пятницу Бахмет[144] родился того
л. для и // празнуют еженедель, ему на вечный огнь, и на
59 бесконечную муку, и на понос, и на укоризну.

А зима в персидскои земли невелика. Орют [орут зем-
лю — *рук. А.*] и сеют пшеницу и ячмень о рождестве
Христове и о крещении. И о великом заговеньи и после
того великим постом станут [учнут — *рук. А.*] снеги пере-
падывать. Ночью падет, а днем стает, а на горах снег
л. 59 болши падет, а по полям нет, и того по Благовещень // ев
об. день. А земля не мержет [не мерзнет — *рук. А.*\ а всякои
скот — овцы, и коровы, и кони, и буйволы [и ишаки и
катары — *рук. А.*] все на поле травою сыти бывают, сень
не ставят. А хлеб поспевает жнут на Георгиев день, а
овощ прежде всего. А другои хлеб [и Испахани — *рук. А.*]
сеют и поспевает на успеньев день. А не по всеи земли
хлеб родится [ровно — *рук. А.*], в ыном городе хлеб жнут,
а в ыном сеют в то время!

л. 60 А в гилянскои земли подле море, тут // теплее иных
городов. Цветы всякие на великое заговеино поспевают.
А хлеб в гилянскои земли в Фарабате [а в Арабате и в
Ишарафе поспевает скоре — *рук. А.*] тут хлеб нужен,
люди с него бесятся и место нездорово. А лесов в Гиляни
подле море много, и рыбы севрюжина, и осетрина, и бе-
лужины, а опроче Гиляни во всем шахове земли никаких
лесов нет, толко горы. А вод [и рек — *рук. А.*] нет ника-
ких, ни рек, воды все приводные из гор, и по полям воду
л. 60 розводят и тем напаяют нивы, а дожжеи, опро // че ги-
об. ляньскои земли [и Шамахи — *рук. А.*], нет!

А платье персы и кизылбаши носят кафтаны озямные,
кинъдячные и дорогилные, и кумачныя, и кутняные[145].
А поясы круг себя носят великие кушаки, а поверх ку-
шаков шалы вишневы. А на головах челъмы, на ногах

чюлки, да башмаки. А жонки ходят закрывшися в тонкие
миткали — лиц и глаз не видеть, а на ногах теже чюлки
суконные, башмаки, а иных бархатные чюлки. // А у всех л. 61
жонок штаны и у девок. А косы плетут долги до пояса
и до пят. А косы плетут у инои две, и три, и четыре и вплетают в косы и чюжие волосы. Тем ся красят. А в ноздрях
колца золотые с каменьем и з жемчюги. А исподнее платье — кафтаны уски и пелки наги. А по грудям и около
шеи и по челу низан жемчюг на нитях. А персы и кизылбаши зовутца бусорманы, потому что у мужсково полу л. 61 об.
обрезывают срамные // уды их попы. И как отрежут конец
плоти и тое плоть низает на нить и держит у себя на вороту!

А что аврамляне были у шаха на встречи, и те аврамяне образом смирены, бороды у всех велики, а волосом
черны. А жен держат по две и по три, и по пяти, и по семи,
и сколко хто захочет и может. А платье на себе носят
широко, а цветом кирпишнево на всех, а дела // но аз вер- л. 62
блюжья волоса, а на головах носят челмы, а ноги босы,
штаны носят всего до колена. А на женах платье желто,
делано ис тое же верблюжьи шерсти. А сказывают, что
они веруют в Аврама и зовутца аврамляне[146]. А хто у
них умрет, и того мертвеца поставят у свои мечети, и подопрут его вилами под горло, чтоб не упал и стоит по та
места, как прилетит птица и выклюнет у него глаз. И будет выклюнет правыи, тот у них // угодил тому, в кого л. 62 об.
веруют, а левои выклюнет, тот не угодил. И их хоронят
в землю!

А что в Ыспогани мултанеи[147] по их языку, а по нашему индеицы, и у них розные веры: иные держат бусорманскую, а иные веруют в солнце. Как солнце станет
всходить, так они солнцу молятца!

А у иных мултанеев [индейцев — *рук. А.*] со лбу переносье у носа мажут желтою краскою. И тех мултанеев // кто умрет, и того вывозят за город и за посады, л. 63
на поле и сожгут его на дровех и пепел развеют. А говорят тот де пошел на небо, а называются те мултанеи
християнами.

А платье все мултанеи носят миткали белые, и челмы
на головах белые же, а родом недородны, и лицом бледы,
[бледные — *рук. А.*], и сухи, и черноваты!

А жиды платье носят вишнево на всех мужики и жон-
л. 63 об. ки, а делом чтобы у руских дьяко // нов стихари с опле-
чьем и по подолу кругом обложено, а на головах у иных
челмы, а у иных шапки, что клобуки!

А у жонок на головах желтые болшие платы, а лиц
не закрывают, а родом плоски. Бороды велики, а лицом
чисты. То им на пагубу и на безконечную муку.

А и в персидском царьстве их не любят, побивают их,
и озлобляют, и называют их чагатами, а иные жигу-
л. 64 тами[148]. //

А что в Казбине зверь бабр величеством болши лва,
а шерстью глиннаст, а шерсть ниска, а по нем полосы
черны поперег. А губы что у кота и прыск котовои. А сам
черевист, ноги коротки, а длиною долог, а голосом велик
и страшен, ногти что у льва!

И сих повестеи до зде!

Зде же пишет о хожении из Шамахи ход в турскую
л. 64 об. землю. //

От Шамахи ход в турскую землю промеж полдень и
запад. А ходят на верблюдех, и на конях, и на ослятах
на вьюках. А ити от Шамахи три дни до Ряши[149] ровным
место. А Ряш — посад города их.

От Ряши день ходу до Генжи[150] ровным место между
гор, а в Генже города нет же, посад. А близь Генжи по-
дошла Кура-река. От Генжи шесть дней ходу до Ра-
вана[151] горами. А в Раване город каменной, стоит на ров-
л. 65 ном месте над рекою над // Чензичею. А ширина реки че-
ловеку каменем бросити.

А от города Равана полдни ходу, тут стоят Учьклюс[152]
по арменьски, а по нашему поруски три церкви армень-
ские велики бывали и строины. И то место и Раван бывало
арменьское царство. Тот настолной город был, а церквами
для того называем, что на них кресты. А две церкви стоят
пусты, а в третьеи поют арменья, а в церкви образов ни-
л. 65 об. каких нет, только крест, да образ пресвятые богородицы. //
И колокол есть невеликои, а звонят временем, бояся бу-
сорман. Да под тем же городом Раваною на полдень стоит
гора добре высока и велика. А верх взошел что колпак.
А руских верст до неи ходу от города Равана болши де-
сяти. А около тое горы ходу, сказывают, пять днеи. А на
тои горе лежит вековои снег зимою и летом и на тое гору

восходу нет никому. А на тои горе стоит ноев ковчег[153]. л.
А персы и турки тое гору называют // Султана агры, тои 66
горе зов по их. Да они же зовут Баш Дакеми, а по нашему по руски на верху горы ковчег. А у нас тое гору зовут Арарат. Да от Генже жь на полночь два дни ходу, там пошла грузиньская земля и посад Зечен[154]. А в грузиньской земли лесов много. От Равана до Малазгирта[155] два дни ходу, а ити ровным местом промеж,у гор, а Малазгирт
стоит над рекою над Карсом[156]. Тут грань шахово земли от л.
турского. А те все городы были туръские, да шах // их 66
побрал, коли Шамаху взял, и от тое грани от Малазгирта об.
пошла турская земля. И до турсково города до Изрюма[157] восмь днеи ходу, от Изрюма до и Изырьяна[158] четыре дни ходу. От Изырьяна до Карасара[159] два дни ходу. От Карасара до Вологора[160] полдни ходу. От Воилагора до Токата[161] три дни ходу. От Туката до Туркала[162] день ходу [от Туркала до Амаса[163] три дни ходу — *рук. А.*]. От Амаса до самого Стамбула [до самого Царяграда — *рук А.*] а по нашему из Царя града, пятнатцать дней ходу. Се же от Шамахи путь в Царьград! л.

// А из Ардевиля из шахова города ходят в туръскую 67
землю через Тевриз.

А из Казбина из шахова города ходят в туръскую землю на Богдат и на Бясир[164].

А Богдат сказывают великое место и город каменнои велик, а под ним река, болши Москвы-реки. И дворов жилых и людеи много, а иные дворы в Богдате были и
до взятья // шахова пусты. А сказывают, что в тот Бог- л.
дат преселение было ис первого Вавилона. И тот ныне 67
Богдат называют Вавилоном кизылбаши и арменья. А об.
перед взятьем Богдату от шаха во 7131 году песок от [с — *рук. А.*] неба шел на хлеб, и хлеб песком с неба засыпало, а того песку было в половину колена. От Богдата до Бясиря шесть днеи ходу. А тот Бясир турскои же город был. Да взял его Карчегахан[165] после богдатьсково
взятья. И с ту сторону тот // город Бясир стала грань от л.
турсково. 68

А от Богдата и от Бясира пошла арапская земля кочевная. Там их Бахмет лежит в арапъскои земли всего от Бясиря три недели ходу. Тут его пропасть в пустои мечети.

А от Бясира ходят в турскую землю в Царьград. А те
л. 68 арапы, нечерны, черны арапы под Индеею. //
об. Зде же писан ход ис персидъскои земли в Ындею,

Из шахова города ис Кума ход в мултанеиское царъство в Ындею и ходят на вьюках на верблюдех. От Кума два дни ходу Ваиромея[166]. От Ваиромея до Таирани[167] день ходу. От Таирани до Фарабата[168] восм днеи ходу.

От Фарабата до Мешети[169] пятьнадцать днеи ходу. От Мешети до Кандагари[170] сорок днеи ходу. Тут была грань индеиская от шаха и тот город Кандагар шах взял во
л. 69 //7130 году. И тот город стал шахов, а грань от Индеи. А от того города Кандагари все ити на восход солнца!

А от Ыспагани ход в Ындею на Кашан и на Кум, а с Кума на Ваиромея. А писано про то повыше — в статьи.

Да от Испагани же ход, где корабли приходят белым
л. морем немецкие люди для торгу. А ходу от Испогани на
69 Фарабат. От Фарабата пятнатцать дней ходу // да Меше-
об. ти. От Мешети до Кандагари сорок дней ходу. А от Кандагари ходу [скажут — *рук. А*.] дней с сорок же до белого моря[171], правее восходу солнцу. А на том белом море стоит город Урмуз[172]. И к тому городу пристань караблееная, приходят немецкие люди, аглинские и фрянцовские. И ис того города Урмуза приходят на въюках на верблюдех через те городы, что про них писано в сеи статьи, приезжают в Ыспагань в персидское царство немецкие люди
л. 70 с товары и с // ефимки для сырого шолку!

А был тот город Урмуз индейскои, да взяли его шах и немцы вместе. А ныне сказывают, что тот город Урмуз весь за шахом!

Се же о бусорманскои вере. Молятца на небо, на коленцах седя, руки на небо подняв, а как ходят молитца так моют руки по локоть, и ноги, и гузно, и переднии срам.

л. 70 // А в персидской земли пишутца грамоты от шаха по
об. своим городом.

Пишут золотом божию милость под тем, оставя строки три или четыре, пишут титлу.

Государская милость, Аббас шахово величество, то де-

ло над государи государь, а потом пишут город, на кото- л. 71
рои посылают: // в Шамаху, или в Ардевил, или на инои
город. Ардевилскому салтану Свирли, или которому хану,
ведал бы де, что е в ту пору посол, или купчина великого
государя Владимирского, что над государи государь пра-
веден и милостив от царскои милости. Да к царскои же
милости бил челом. Потом дело пишут.

А всякие писма и грамоты пишут против нашего писма
в левую руку!

Се же туръской счет: бир, ики, учь, дерть, бежь, алты, л. 71 об.
едди, секиз, токуз, он, онбир, онъики. Все так до дватцати,
а дватцать игирьми, игир, всибир, игирми, ики. Все так до
тритцати, а тритцать отуз, отътуз бир, отътуз ики. Все так
до сорока, а сорок кырк, кырк бир, кырк ики. Все так до
пятидесят, а пятьдесят илли, илли бир, илли ики. Все так л. 72
до штидесят, а шездесят алтъ // мыш, алтъмыш бир,
алтъмыш ики. Все так до седмидесят, а семдесят едмиш,
едмиш бир, едмиш ики. Все так до осмидесят, а осмъдесят
сексень, сексень бир, сексень икир. Все так до девяноста
а девяносто токсень, токсен бир, токсен ики. Вес так до
ста, а сто юз, а тысяча мин! //

Се же перъскои счет: як, ду, се, чар, паншь, шашь л. 72 об.
гафт, гашты, ног, дах, якъзда, дувазда. Все так до дват-
цати, а дватцать бити, бистияк, бистиду. Все так до трит-
цати, а тритцать сил, силвуяк, силвуду. Все так до сорока
а сорок чичил, чичиляк, чичилду. Все так до пятидесят, а
пятдесят пенжа, пенджуяк, пенжуду. Все так до штидесят,
а шестьдесят // шучь, зашучь, заяк, шузаду. Все так до л. 73
семидесят, а семдесят гафтьва, гафтьдаяк, гафтьдаду.
Все так до осмидесят, а оемьдесят гаштьда, гаштьдаяк,
гаштьдаду. Все так до девяноста, а девяносто ногда, ног-
даяк, ногдаду. Все так до ста, а сто — сета, а тысяча —
мин!

Азбука по турски, и по перъсидски, и по арапски. Тот л. 73 об.
// азбук слова одне, толко речь по своим языком[173]. По-
выше руская азбука, по середки их слова, а ниже туръским
языком!

Се же азбука арменъекая: аинь, пень, кень, таечь, за,
е, еть, то, же, инни, лон, хе, ца, кень, гоц, кат, че, мен, и,
но, ша, по, ча, бе, че, ра, се, вев, дюн, ре, цо, фун, пур, ке, л. 74
ечь, аин, заавсас! //

Се же счет по грузински: ерт, ори, сами, отхы, хуты, екси, шуди, ревя, цьхра, аты, одинънатцать терпеты, двенатцать торт, дватцать отсекь, тритцать, сорок урмусс, пятдесят сатму саты, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят отмутсе, девяносто, сто оси, тысяча атаси!

О ПУТЕШЕСТВИИ ИЗ МОСКВЫ В ПЕРСИДСКОЕ ЦАРСТВО, ИЗ ПЕРСИИ В ТУРЕЦКУЮ ЗЕМЛЮ, В ИНДИЮ И В УРМУЗ НА БЕЛОМ МОРЕ, КУДА НЕМЦЫ ПРИПЛЫВАЮТ НА КОРАБЛЯХ

Перевод

7131 (1623) году по указу государя и великого князя всея Руси Михаила Федоровича и великого государя святейшего патриарха московского и всея Руси Филарета Никитича московский купец Федот Афанасьевич Котов с восьмью товарищами был послан с царскими товарами за море в Персию.

Из Москвы отправились по Москве-реке 6 мая в день святого и праведного Иова многострадального. От Москвы до Коломны[1] сухим путем 90 верст, а рекою больше. Город Коломна стоит на Москве-реке, со стороны течет речка Коломенка и впадает в Москву-реку. Город каменный, как московский Кремль.

От Коломны до Голутвинского монастыря[2] 100 верст; сюда выходит река Ока. От Коломны до Переяславля Рязанского[2] горами 90 верст, а рекою и больше. Город Переяславль Рязанский деревянный, обмазанный глиной, а вокруг посадов частокол; город стоит на земляном валу над рекою, над рубежом. Река Ока протекает по лугам в версте от города. Город расположен на горней стороне*, в нем есть каменные храмы. Здесь живет архиепископ.

* Горней, или нагорней, стороной Котов называет высокий, т. е. правый берег реки, а левый называет луговой стороной.

От Переяславля Рязанского до Терехова монастыря[4] 90 верст. А в пятнадцати верстах от Переяславля, вниз по реке, находится Вышгород[5]. Но города здесь уже нет, осталась только волость. От Вышгорода до Старой Рязани[6] 45 верст по дороге вдоль Оки. На горней стороне крепости нет, только один земляной вал, а дворы стоят врозь среди леса на протяжении многих верст. На луговой стороне стоит Терехов монастырь. Ограда монастыря и храмы деревянные. От Терехова монастыря до Касимова[7] 90 верст. В Касимове, в полуверсте от реки, возвышается на луговой стороне деревянная крепость, а около реки Оки расположены русские посады и храмы. Здесь же живет царь Уруслан, владеющий посадами, но служит московскому царю. За его домом находится каменная мечеть и в ней склеп, где хоронят царей.

От Касимова до Мурома[8] горами 70 верст, а Окою 150. По пути, на луговой стороне, находится городище Елатьма[9], тут и посады. Город Муром деревянный рубленый, стоит высоко на земляном валу. В нем соборный каменный храм, в котором служит протопоп. В этой церкви в стороне, в приделе Карпа, в одной гробнице лежат муромские чудотворцы — благодатные князь Петр и княгиня Феврония. Около города высокие места, холмы. В нем много каменных и деревянных храмов и домов. За городом на луговой стороне над Окою красиво расположены посады.

От Мурома до Нижнего Новгорода горами 120 верст, а Окою 150. На горней стороне живет стародубщина. Места у них хлебородные. На полпути от Мурома до Нижнего Новгорода на горней стороне находится Павлов перевоз[10]. Это город, а не острог; он стоит высоко на холме, дома же, рынки, кабаки и таможни разбросаны в долине, а также и по холмам на большом расстоянии.

Нижний Новгород[11] обнесен высокими каменными стенами, стоит высоко на холмах. Часть посадов обнесена деревянным частоколом, а другие лежат за городом. Здесь сливаются Ока и Волга. Возле посадов выше города меж гор в степь течет ручей, называемый рекой Поганой. Нижний Новгород стоит на горней стороне. Посады находятся в городе, и около города по долам и по обрывам.

От Нижнего Новгорода 120 верст до Василь-города[12],

который стоит над Волгой, на горней стороне, а посады под горою. Когда-то здесь на горе была высокая крепость, но сгорела. От Василь-города до Козьмодемьянска[13] 40 верст. Деревянный город, огражденный рублеными бревенчатыми стенами, стоит на горе, а дворы спускаются вниз, к Волге, и обнесены частоколом.

От Козьмодемьянска до Чебоксар[14] 40 верст. В Чебоксарах деревянный город стоит ил горней стороне и обнесен рублеными бревенчатыми стенами, а посады спускаются вниз, к Волге. От Чебоксар до Кокшайска[15] 40 верст. Город деревянный, обнесенный рублеными бревенчатыми стенами, стоит на луговой стороне, на горе в услоне, а посады под горою. От Кокшайска до Свияжска[16] 60 верст. Деревянный город стоит на горней стороне от Волги, за лугом, а под ним вдоль идут посады. Река Свияга течет по степи ниже города.

От Свияжска до Казани[17] 20 верст. Казань - большой город, стоит на луговой стороне, над речкою Казанкой, в семи верстах от Волги. Крепость каменная, белая возвышается на земляном валу, вдоль нее тянутся посады, обнесенные деревянной оградой, а Булак-река течет сквозь деревянный город. И крепость, и посады красиво расположены. За городом находятся Луктов монастырь и слободы, а кругом раскинулась степь. Посады и ряды находятся в городе.

От Самары[18] до Саратова[19] 350 верст. Саратов стоит на луговой стороне. Здесь стоячий острог и круглые бревенчатые башни, дворы и торговые ряды, а за городом стрелецкие дворы, рыбные лавки, амбары, куда сгружают товары с судов. Город стоит над Волгой на ровном месте, а в низине течет речка Саратовка. Вокруг расстилается степь.

От Саратова двести верст до Камышенки[20]. В Камышенке протекает речка Камышенка[21], берущая начало в степи, расположенной на горней стороне. Над речкою, высоко на горе, стоит острожек, и тут с весны и до осени стоят пятьсот-семьсот казанских и пригородных стрельцов, а осенью, уезжая с осенним астраханским товаром, сжигают острожек. Рекой Камышенкой ходят на Дон — три версты плывут водой, а потом двадцать верст казаки волочат струги до реки Иловли[22], которая течет по степи и

впадает в Дон. Оттуда казаки ходят на Волгу. В степи стоят заставы стрельцов. Они ловят воровских казаков и некоторых из них убивают.

От Камышенки до Царицына 150 верст. Царицын[23] стоит на высоком берегу, обнесен невысоким тыном с рублеными круглыми башнями. Над городом возвышается гора со стогами на ней. В нижней части города протекает небольшая речка, вроде ручья, по которой в лодке нельзя ехать. Вокруг города Царицына расстилается степь, а город стоит над Волгой. Дворы, базар и храмы — все в городе. Скот из страха перед татарским нападением пасут за оградой, построенной вокруг города. От Царицына идут на Дон полдня степью и выходят на Пять Изб[24]. На Дону все городки казачьи, в тех городках живут казаки с женами и детьми. Городки расположены вниз по Дону до Азова[25]. Азов стоит на Дону, в пяти верстах от Черного моря[26].

В Азове есть два турецких каменных городка. От Азова до Кафы[27] ходят морем на кораблях. Каменная крепость в Кафе стоит над морем, на правой стороне моря. От Кафы до самого Стамбула[28] ходят 15 дней, ход туда морем на кораблях. Но об этом рассказ сейчас заканчиваем.

Теперь возвратимся к описанию предстоящего пути. Выше города Царицына, в верстах двадцати, по луговой стороне Волги степью течет Ахтуба[29] и впадает в Каспийское море[30] в шестидесяти верстах ниже Астраханского устья. На Ахтубе стоит Золотая Орда[31], в которой еще задолго до основания Астрахани[82] были построены царский дворец, палаты, дома и мечети — все каменные, а теперь все эти здания ломают и камень возят в Астрахань для различных каменных работ. От города Царицына до Астрахани пятьсот верст. Здесь на Волге много островов, места низкие, лесов совсем нет.

Город Астрахань стоит на Волге, на луговой стороне. Это большой каменный город. Соборная церковь и Троицкий монастырь тоже каменные, городские башни украшены глазурью. К Астрахани подстроен другой город. Длинная каменная передняя стена с башнями и воротами идет вдоль реки Кутумовки[33] и вместе с двумя другими стенами образует крепость. В каменном кремле находятся при-

каз[34] и запасные амбары, которые приделаны глиною к стене высоко в углу кремля. Двор архиепископа находится близко от собора. У ворот архиепископского двора возведен деревянный большой и высокий крепостной вал со стенами в несколько рядов. В кремле много стрелецких дворов, а таможня, базары, кабаки и дворы жителей — стрельцов и купцов русских, бухарских[35] и персидских[36] — расположены в другом городе, где много храмов. Двор крымских татар в том же городе. К кремлю пристроен высокий тын, за которым сидят взаперти заложники[37] и пленники с женами; их караулят стрельцы. Выше города течет по степи речка Кутумовка и впадает в реку Балду[38]. Ниже города и около него находятся татарские юрты. Все татарские[39] жилища вкопаны в землю, обнесены плетнем, обмазаны глиною. В степи вокруг города кочуют ногаи[10], подвластные государю. В городе торгуют после обеда, а до обеда торгуют за городом, около городских укреплений, с татарами и ногаями. Домов городских жителей и стрельцов за городом нет. Только с верхнего конца города на пригорке построен монастырь; а под ним вниз, к речке Кутумовке, идут сады. В садах растут овощи: яблоки, дыни, арбузы, тыквы, огурцы, виноград, дикий перец, капуста.

В нижней части города находятся монастырь, угодья[41] Троицкого монастыря и кузницы, а затем идут юрты и сады.

В трех верстах ниже Астрахани, на луговой стороне, на которой стоит Астрахань, из Волги вытекает Царева протока[42] и впадает в море. По обе стороны этой протоки стоят татарские юрты подобно нашим русским деревням. На той же стороне в четырех верстах от Царевой протоки рыбная ловля Астраханского монастыря — какараузик, по-русски тоня, а в Астрахани это место называют илым.

Напротив илыма, на другой, крымской стороне, лежат очень большие кучи соли, привезенной с озер, расположенных в степи в шестидесяти верстах от Волги.

Соль добывают на Кобыльих озерах[43], но эта соль красная, а добытая на Мачеговском озере[44] белая и хорошая. И в других озерах также добывают соль. К озерам подходят протоки, по которым соль увозят в больших лодках.

В тридцати верстах от Астрахани на луговой стороне есть протока. Здесь находятся рыбные загоны[43] Астраханского монастыря, а также храм и двор. Отсюда до Бирюля[46] пятнадцать верст. Здесь прежде был каменный город, а теперь стоит лишь татарский амбар. От Бирюля до Рослоба[47] пятнадцать верст. В Рослобе находится государев рыбный загон. От Рослоба пятнадцать верст до Прорвы[48]; здесь стоит стрелецкий караул. От этого караула тридцать верст до Четырех бугров[49], а влево от Четырех бугров в море стоят гилянские бусы[50], которые не заходят в устье Волги и под Астрахань, а стоят в море и из устья едва видны. Товары же с бус в Астрахань и из Астрахани на бусы перевозят на судах[51] и повозках. Отсюда бусы плывут за море. Из Астрахани есть ход на Русь, к Москве; туда ходят весной, летом и зимой на лошадях как по луговой, так и по нагорней стороне. А добираются из Астрахани до Москвы недель в семь-восемь. За станицею ходят стрельцы и оседлые татары, охраняющие путь от набегов казаков и козыевских татар[52].

Из Астрахани государеву казну свезли и погрузили на две бусы 8 августа, в день святого отца нашего Емельяна, епископа Кизичского. А идти за море, в Персию, надо прямо на юг, придерживаясь вначале северного, а затем западного берега, где с правой стороны будут Терек[53], Тарки[54] и Дербент[55]. Есть и сухопутный путь за море от Терека, про этот путь написано ниже, после описания Шабрана[56]. С пристани от устья Волги, идя налево холмами[57] на север, придешь на Акраханское пристанище[58]; этим путем мимо устья Яика[59] ходят к узбекам[60] в Бухару.

Мы пришли с царскими товарами в персидскую землю, во владения шаха, и пристали к Ширванской земле[61], к пристани Низовой[62], 14 августа, перед праздником успенья пресвятой богородицы и святого пророка Михея. Пристань находится в пустынном и низком месте. Здесь протекают две небольшие речки, устья их занесло песком. Узнать эту пристань с моря можно по трем высоким деревьям. Есть здесь и лес, но он небольшой и низкий. Здесь находится судовая пристань. Берег мягкий, камня нет, пристань хорошая. Ниже, на море, есть и другие пристани, расположенные у городов и пустынных мест. Вдоль

моря идут высокие каменистые горы в земли шаха, вплоть до Фарабада[63]. В версте от пристани Низовой ость большая деревня — Дербентский присуд[64], где находится даруга, по-нашему приказной человек.

Над деревней возвышаются горы, с которых снег не сходит даже и летом. А в деревне — сады, в которых растут яблоки, виноград, грецкие орехи, чернослив, миндаль, дыни, арбузы; из хлебных злаков произрастают пшеница, просо, арпа, а по-русски ячмень, другого хлеба нет. Дворы в деревне глиняные; в садах и через дворы протекают проведенные с гор арыки. Много всякого скота. Почти все делают на волах — и молотят, и землю пашут, и всякую поклажу возят. От Низовой высоко в горах ходят в Шемаху[65], дорога опасная, по ней ездят с вьюками на лошадях, верблюдах, быках и ослах; колесного пути нет.

От Низовой до Шабрана пути четыре агача[66], по-русски в каждом агаче по пяти верст, и идти надо полями и болотами. В Шабране от города остались одна стена и каменная башня, остальное все разрушено; сохранившиеся посады — каменные. И Шабран, и Шемаха, и Дербент со всеми уездами, городами и пригородами исстари были ширванской землей, потом все эти города захватили турки[67], но персидский шах около двадцати лет назад отнял эту землю у турецкого султана. Здесь много всяких овощей, птиц и скота.

Теперь опять возвратимся к постепенному описанию пути от Астрахани до Терека и Шабрана. От города Астрахани плавают на русских бусах и на больших стругах морем мимо Черни[68], только этим путем идти далеко. Морем в ветреную погоду ходят двое суток, а в безветренную погоду струги идут неделю.

А Терек город деревянный, небольшой, но хороший стоит на реке Тюменке[69], на низком месте. Базары, храмы и дома находятся в крепости, а за ней — один монастырь. За рекою, напротив крепости, раскинулись большие слободы — Черкесская слобода, Окоцкая и слобода новокрещеных черкесов[70]. Через реку Тюменку построен деревянный высокий мост на козлах, под ним можно проезжать на лодках. В половодье в Тюменку впадает река Терек. Если вода невысока, это место пересыхает; в такое лето вода в Тюменке застаивается и загнивает. А глав-

ное русло реки Терека впадает в реку Быструю[71] в шестидесяти верстах ниже Терека. Река Терек выходит из горных кряжей[72], где в небольших крепостях живут казаки. Там между гор рядом с черкесами — по направлению к Азову — живут кабардинцы[73]. Река Быстрая выходит из гор и впадает в море.

Город Терек стоит в пяти верстах от моря; выехать в море по Тюменке можно не одним руслом; кругом камыш. Около города Терека много садов, а в садах много всяких овощей. В море напротив устья Терека находится остров Чечень[74], — идти до него под парусом полдня, — этот остров большой, и около него много рыбы, на нем терские жители, тарковские кумыки[75] и горские черкесы[76] ловят рыбу.

От Астрахани до Терека и от Терека до Астрахани есть сухопутный путь степью через станицы. От Терека до реки Быстрой день пути с вьюками, дорога идет болотом; через реку есть брод и перевоз на стругах. По обе стороны реки Быстрой летом стоят казаки для охраны перевозов от нападений немирных и крымских татар[77]. От реки Быстрой до реки Сунжи[78] день пути; через Сунжу есть брод. От Сунжи день хода до Малого Аксая степью и камышом. Речка Малый Аксай небольшая, очень заболоченная, через нее есть брод. От Малого Аксая до Большого Аксая[79] полдня хода. Речка Большой Аксай небольшая, через нее есть брод. От Большого Аксая до реки Койсы[80] день или полтора пути, а от нее уже можно ехать на телегах. Койса — широкая река, вытекает из гор; в устье реки есть перевоз на стругах и паромах; перевозят кумыки или те, кто едет; струги и паромы стоят здесь во всякое время. От Койсы день пути до Тарков, колесный путь идет берегом возле моря. В Тарках есть небольшой посад и деревянный острожек, здесь сидит илдырхан, шурин шаха, которого зовут Крым-шахом[81].

В Тарках живут кумыки, они подчиняются шаху, Илдырхан родом кумык, брат горского князя Салтанамуга[82]. Тарки стоят под горою, в версте от моря. В горах над Тарками живут также кумыки, которые имеют своего князя и никому другому не подчиняются. От Тарков до шахского города Дербента три дня вьючного пути ровным местом между горами и морем. А между Тарками и Дер-

бентом живут лезгины[83], у них свой князь, которого называют Усминским[84]. У них есть каменная крепость, а сами они живут далеко в горах, никому не подчиняясь. Они разбойничают на дороге, грабят и захватывают купцов и продают их в рабство; а если и не грабят, то взимают дань с купцов, по три куска ткани с вьюка[85]. Эти места проходят с провожатыми. Грабежом занимаются усминский и кайдатский[86] князья со своими людьми.

Дербент — укрепленный белокаменный город, только малонаселенный. Один конец города уходит в горы, другой доходит до моря. Длина города больше трех верст, а ширина саженей триста; город перегорожен поперек каменными стенами в двух местах, так что получаются три города. Рассказывают, что тридцать башен этого города затопило море и теперь еще одна большая крепкая башня стоит в воде. От Дербента через горы к Черному морю, в Турецкую землю[87], когда-то была выстроена каменная стена. Все посады находятся в крепости, а за ней — отводные каменные башни. Около моря недалеко от Дербента наверху огорожено каменными плитами место, где лежат сорок мучеников, а мусульмане[88] и армяне[89] говорят, что это-де русские 40 святых мучеников[90]. Все проезжие русские люди ходят к ним на поклонение, а некоторые служат им молебны. Они лежат каждый в своей гробнице, и на них положено по большому белому камню с вырезанной надписью. Никто эту надпись не может прочитать: ни мусульмане, ни армяне, ни турки. А вырезанная надпись очень большая. Здесь над гробницами выросло три деревца. К той же ограде примыкает огороженное камнем мусульманское кладбище, и здесь два сторожа-мусульманина. Около этого кладбища есть и другие большие старые кладбища с гробницами и надписями на них. Говорят, что надписи греческие.

От Дербента до Шабрана три дня вьючного пути степью, между горами и морем. Из Астрахани же плавают в Персию и в мелких стругах — от Черни до Терека, от Терека до Тарков, от Тарков до Дербента и до Низовой. Купцы из Низовой до Шабрана ходят вьючным путем. Путь на малых судах опасен тем, что если струг прибьет непогодою к берегу в Дербенте и в Тарках, то с находящихся на нем купцов взимают большие пошлины, а если

струг прибьет к пустому месту, то люди усминского и кайдатского князей нападают на купцов, убивают их и товары отнимают. На берегу постоянно идут грабежи.

Путь от Шабрана на Шемаху. Приходится идти высоко в горах, путь очень опасен и безводен, идти три дня вьючной дорогой на верблюдах и на конях. По дороге от Шабрана до Шемахи стоят три караван-сарая[91], а по-русски гостиные дворы, каменные, крепкие и хорошие, с амбарами, конюшнями и воротами. Построены караван-сараи давно для проезжающих, чтобы укрываться в них от разбоя; они стоят пустые, так как сейчас здесь безопасно. Шемаха стоит в укрытии между высокими горами. Город каменный, небольшой и невысокий, и посады каменные. Кругом города проходит ров, ворота обиты железом, и посад, базары и караван-сараи стоят за городом. В Шемахе семь караван-сараев — все каменные, и во всех есть вода, которая течет по каменным трубам, проведенным с гор под землей. Караван-сараи стоят между базарами тезиков[92], в них торгуют русские и армяне, здесь же находятся лезгинские, гилянские, бухарские и другие караван-сараи. Раньше Шемаха принадлежала турецкому султану, но шах захватил ее одновременно с Шабраном. Старый город в Шемахе, стоящий около посада, и турецкие мечети[93] шах разрушил и построил свои. В Шемахе много всяких товаров и шелков — крашеных и сырца. Шелк красят в Шемахе, а шелк-сырец производят в деревнях около нее. На расстоянии двух с половиной верст на север от Шемахи находятся два сада — сад шаха и сад шемахинского хана; в них растут разные овощи и цветы; есть там каменные палаты и вода в каменных бассейнах[94]. Напротив тех садов высоко на горе находятся развалины каменного города, который называют городом Александра[95]. В Шемаху товары привозят из турецкой земли. Путь из Шемахи есть в турецкую землю, и про тот путь будет написано ниже, а здесь описан лишь путь к персидскому царю в Исфахан[96].

От Шемахи до Ардебиля[97] десять дней пути: сначала полдня идти через высокие горы, а как горы пройдешь, так еще идти два дня степью до реки Куры, которая похожа на Москву-реку. Около реки расположена большая деревня и имеется базарчик. Через реку перекинут мост

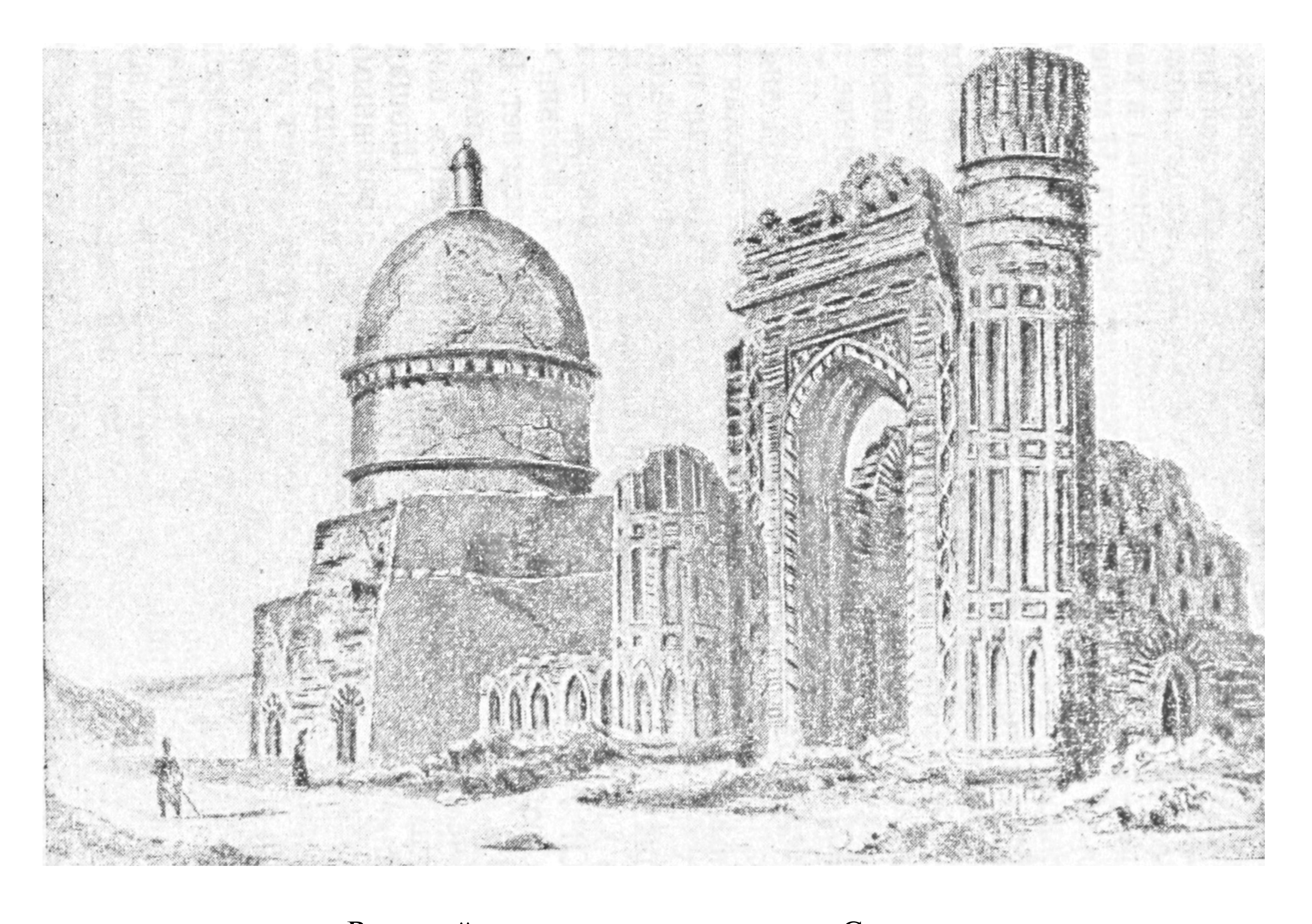
на судах, и по мосту протянута с берега на берег железная цепь. Здесь взимают рахтаны по две аббаси[98] с верблюда. Такой большой реки нет во всей шахской области. В старину здесь проходила граница с турками.

От Куры-реки идти пять дней степью: ни городов, ни посадов, ни деревень, ни караван-сараев нет. В этой степи в юртах живут муганы[99] и кочуют зимой и летом. Эта степь называется Муганской. В ней нет ни хлеба, ни овощей, ни лесов, только змеиные и мышиные поры. От Муганской степи до Ардебиля идти еще три дня горами. По пути есть деревни и караван-сараи. Ардебиль — посад, а не город. Базарами, караван-сараями, дворами и всем остальным он больше и лучше Шемахи. Все строения каменные, много лавок, больше двадцати караван-сараев, много всяких товаров и овощей. Из Гиляна, с устья реки Куры[100] и с моря привозят рыбу, похожую и цветом, и вкусом на русскую семгу.

В Ардебиле находятся султан и даруга[101]. В конце площади в Ардебиле по распоряжению шаха построена большая мечеть, похожая на русский монастырь, которую называют Шах Сефи[102]. В ней похоронены его отец, дед и сын Диво-мурза[103]. Стены монастыря и мечеть построены из глазурованного камня. Здесь живут мусульмане, тезики — обыкновенные люди, не монахи. В монастырской ограде много ворот с железными цепями. И если убийца, разбойник, должник, или спасающийся от каких-либо больших несчастий и смерти, или беглые холопы прибегают сюда, хватаются за цепь руками и ее целуют, то после этого они укрываются в монастыре и никого не боятся, даже сам шах их не казнит. Их кормят, как в русских монастырях, из одного котла за счет монастырских доходов. Бывает, что этих виновных людей выпускают из монастыря, дают их на выкуп тем, кому они нужны, но с последних берут клятву, что они не сделают вреда виновным и не будут их казнить[104]. За каменной оградой, пристроенной к монастырю, стоят базарные ряды с различным харчем и товарами. В монастырь проведена вода, которая течет из медных труб и сохраняется в каменных бассейнах. Главным управляющим монастыря, называемым мутавалли[103], назначен шахом мусульманин-тезик который распоряжается владениями монастыря, его каз-

ной и людьми. Его называют «владыкою», а приходящие и местные мусульмане целуют ему ногу. У ограды над большими воротами бьют в литавры и играют на зурне утром, перед обедом и вечером. Над ардебильским посадом стоит очень высокая гора, называемая Савалан[106], на которой круглый год лежит снег. Зима в Ардебиле холодная, и летом здесь холоднее, чем в других местах. Из Ардебиля ходят в турецкую землю через Тебриз[107]. От Ардебиля до Халкала три дня трудного пути через горы и горные ручьи. Халкал[108] — большая деревня, здесь меняют ардебильские подводы. От Халкала день пути до высокой горы; между камней через горы течет не очень большая, но порожистая река, по которой нельзя плыть. Через эту реку высоко над водой построен большой каменный мост. Река называется Кызыл[109], и с одной горы на другую через мост день пути. Из-за безмерной высоты по дороге можно ехать только на лошадях и ослах, но не на верблюдах. Ниже в горах через эту реку есть и другая дорога, по которой ходят и верблюды с поклажею. Перейдя эту гору, нужно идти день ровным местом под уклон до Зенджана[110]. В Зенджане была большая каменная крепость, но разрушилась, от нее осталось одно основание. Сейчас крепости здесь нет, только небольшой посад — место разоренное, есть и базар, и караван-сарай, и все это каменное.

От Зенджана до Султании[111] день пути, а идти нужно полями, равниной между гор. Султания была древним царством. Город был каменный, очень большой. В том большом городе — кремль, в котором, говорят, больших домов было больше 20 тысяч, кроме домов, находившихся в большом городе и посадах[112]. Ныне этот большой город разорен до основания, а от кремля остались только одна стена, две башни, ров, и все заросло. А теперь только небольшой посад, базар и караван-сарай; все эти здания — каменные. Ворота и столбы бывшего царского дворца тоже каменные. В кремле стоит большая высокая каменная мечеть со многими куполами, в которой имеются четыре больших притвора. Стены мечети по пятнадцать и больше саженей. В одном притворе покоится царь со своим сыном Салтамунитом[113]. Говорят, что это царство было древнее, его около ста лет назад захватил шах Софеи —

Внешний вид развалин мечети в Султании.

дед нынешнего шаха[114]. В притворе, где покоятся в каменных гробницах царь с сыном, сделаны медные решетки, украшенные большими очень красивыми золочеными яблоками, на которых вырезаны травы и нанесены серебряные насечки. Видеть это дивно. Высота решеток саженей десять, а поперек — шесть. В решетках сделаны дверцы, тоже решетчатые, но яблоки на дверцах поменьше. Рассказывают, что этот царь взял эти решетки в качестве дани с индийской земли за семь лет вперед. И мечеть построил этот же царь. В городе есть другая, тоже большая, только невысокая мечеть с 16-ю каменными колоннами, и других мечетей в нем было много. Я про эти мечети пишу не в похвалу, не во славу. Видимо, здесь было когда-то великое царство, ныне разоренное. Находится это царство в долине, меж высоких гор, здесь течет небольшая речка. Вода проведена с гор верст на двадцать и больше, а подведена по подземелью!

От Султании до Абхара[115] два с половиной дня ходу равниной, между гор. По дороге течет неглубокая речка, коню по брюхо. В Абхаре крепости нет, есть лишь посад — торговые ряды и караван-сараи, занимающие небольшую площадь, но все строения каменные. Харчу и всяких овощей много, есть и товары. Вокруг всего посада — сады.

От Абхара до Казвина идти два дня. Казвин[116] — большой и известный посад, а крепости в нем нет. В Шемахе и Ардебиле посадов, базаров и караван-сараев больше, чем в Казвине. Зато в Казвине находятся шахские дворцы с большими воротами и площадь. Площадь в Казвине — большая и равная, обнесена деревянными решетками, вокруг тянется ров с водой. На площади устраивают различные зрелища: борются борцы, дают кукольные представления, носят в руках и выпускают живых змей, предсказывают судьбу по книгам, здесь же продают много всякого харчу и овощей. Детей обучают грамоте тоже на этой площади. А базаров, караван-сараев, всяких товаров, садов много, и посаженный лес содержат. Воровства здесь нет. В Казвине содержатся шахские звери — слоны и тигры. Тигр будет описан ниже. Из Казвина есть путь в турецкую землю на Багдад[117].

От Казвина равниной, между горами, идти до Саве[118] шесть дней. В Саве — небольшой посад, крепости нет, но

есть каменные базар и караван-сарай. Овощей всевозможных много.

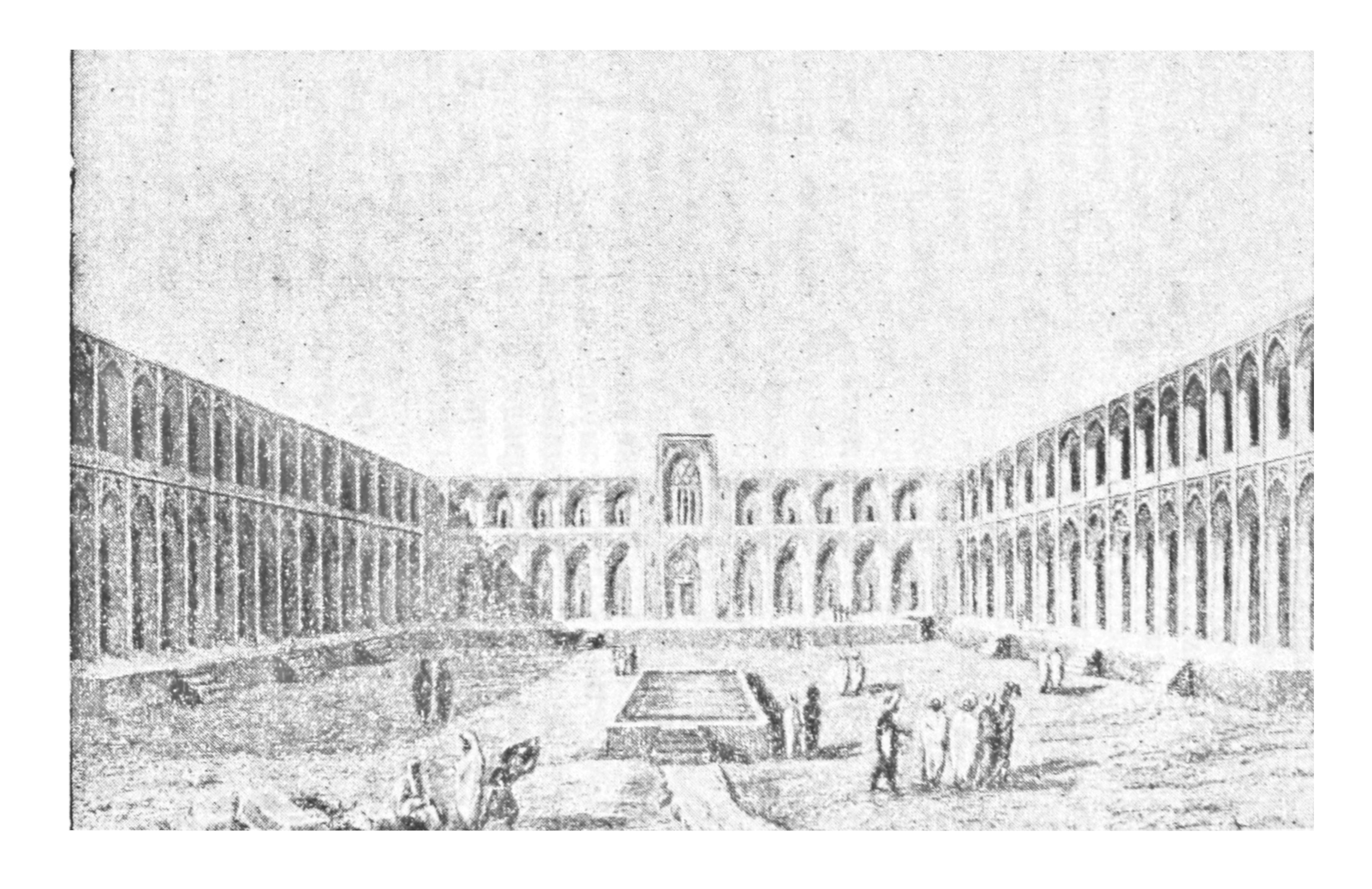
От Саве до Кума[119] два дня пути равниной между горами. В Куме есть плохо сделанная, похожая на садовый забор, глиняная крепость и башни. При въезде в Кум со стороны Саве построены красивые шахский дворец и караван-сарай. В городе есть базар, караван-сараи, товары; много всяких овощей. Здесь делают хорошие сабли, латы, кольчуги, занимаются и прочим булатным ремеслом. Хлеб здесь хороший, вода холодная. Из Кума ходят на верблюдах в Мултанейское царство[120], в Индию; этот путь будет описан ниже. Здесь же говорится лишь о пути в Персидское царство, в Исфахан.

От Кума два дня пути до Кашана[121] равниной, идущей между горами. В Кашане есть только плохая крепость. При въезде в Кашан со стороны Кума находятся шахские дворцы, выходящие воротами на площадь. Город большой — караван-сараев, базаров и товаров много. Здесь делают кашанские шелковые полосатые и клетчатые ткани, бархат и персидскую парчу. Овощей всяких много, а рыбы никакой нет. От Кашана до Натенза[122] два дня пути равниной между горами; стоит Натенз в равнине. На пути от Кашана до Натенза среди степи есть круглая гора, с одной стороны песчаная, с другой — каменистая, вокруг нее идет дорога. С высокой стороны горы есть соленое озеро. Рассказывают, что на эту гору теперь никто не поднимается, и не знают, что на ней есть. Мусульмане рассказывают, что много раз на ту гору люди ходили, но никто с нее не возвращался, — там-де, на горе, погибали[123]. Гора невысокая и небольшая, но ехать около нее страшно. Дня за два пути гору видно издали, и называют ее «Невсходимая». В Натензе крепости нет, небольшой посад стоит на холмах, базары плохие, а караван-сарай каменный, новый. Овощей всяких много. Над посадом высокая гора поднялась шеломом, на ее вершине построена каменная мечеть. Рассказывают, что в Натензе охотился шах. На эту гору залетел его кречет и разбился. Шах приказал на память поставить мечеть над кречетом. Люди редко поднимаются на эту гору, она очень высока, и поэтому мечеть стоит пустая. От Натенза три дня пути до Исфахана, идти все время равниной, между горами,

путь очень каменистый. В Исфахан мы пришли 20 июня 1624 года. Исфахан стоит как бы в ущелье, между высокими горами, на ровном месте.

Исфахан — столица персидского государства, город большой и красиво построен, только крепость плохая, похожая на глиняный забор вокруг садов. Царские дворцы построены так, чтобы ворота выходили на главную площадь. Ворота высокие, над воротами — расписанные золотом палаты. Они стоят одна над другой в три этажа. В эти палаты приходят всякие иностранные послы и купцы. Палаты, в которых живет сам шах, находятся в садах, далеко от ворот; они — низкие. Здесь живут шахские жены. Ворота этого двора также выходят на площадь, но они низкие. Жилые палаты стоят в саду далеко от ворот. Около обоих ворот стоят беки и тюфянчеи, а по-русски дети боярские и стрельцы. Между крепостью и посадами находится большая и широкая площадь. Вокруг площади тянется выложенный камнем ров с водой. По обоим концам площади стоят по два каменных столба высотою в два человеческих роста. На площади, напротив шахских ворот, лежат медные и железные пушки, среди них есть и большие, но лежат они в беспорядке, без станков и без колод, а некоторые забиты песком и землею. Площадь гладкая, ровная, длиною больше четырехсот саженей, шириною около ста саженей. Около площади базарные ряды, кофейни, гостиные дворы, мечети — и все каменные. Гостиных дворов, говорят, больше сотни.

У них на фасаде амбаров и внутри них нарисованы разными красками и золотом разные травы. Торгуют там всякие люди — тезики, индийцы, турки, арабы, армяне, аравляне[124] и евреи. В начале площади на высоких воротах находятся часы. Место для часов расписано золотом и красиво отделано. За часами следит русский мастер. Через ворота ходят в Тынчак[125] — это у них такой же большой базар, как у нас Сурожский ряд. Здесь торгуют всякими товарами, делают деньги. На базаре лавки каменные, с амбарами наверху, своды каменные с красивой крышей. Лавки снаружи и внутри расписаны разными красками и золотом. С двух сторон Тынчи находятся большие ворота с железными цепями для привязывания животных. В Тынче, кроме верхних складов и торговых ки-

Караван-сарай в Кашане.

осков[126], есть еще около двухсот русских лавок. Вдоль Тынчи идет базарный ряд, где занимаются медным делом. В том ряду делают и красят набивные ткани. Миткали привозят из Индии и от арабов. Базар — каменный, с верхними складами, своды каменные. Лавок на том базаре до четырехсот. Как выйдешь из Тынчи направо, мимо шахских ворот, еще есть базар, на котором торгуют разными товарами, продают башлыки, а около шахских ворот делают сабли и шатры. Базар, своды и верхние склады — каменные. На этом базаре, кроме верхних складов, есть еще двести лавок. Между этими базарами есть еще базар. На другой стороне площади, напротив Тынчи, также построен каменный базар с каменными сводами. Здесь делают решетки, сундуки, всякие деревянные изделия, пишут книги, продают чернила и чернильницы. В центре этого базара шах возводит большую мечеть, которую строят

уже шестой год и должны достроить к 7133 (1625) году, а размер мечети в длину от больших дверей восемьдесят саженей, поперек, с приделами, сто саженей. Камень резной. Постройка и обработка камня красивы. В мечети уже есть вода. Мечеть еще не покрыта, но наряжена; как скверная невеста. Она еще не достроена, но над воротами и все внутри уже расписано золотом. Здесь же, перед мечетью, сидит их мулла, который судит мужей с женами, разводит их и выдает грамоты о разводе. С другой стороны мечети идет ряд того же базара, где делают седла. На базаре, кроме верхних складов, находится девяносто лавок.

Налево от Тынчи, напротив шахских ворот, с другой стороны площади, есть базар, где торгуют всякой всячиной, делают шелковые и хлопчатобумажные товары. Посреди этого базара, напротив шахских ворот, построена большая каменная мечеть. На этом базаре двести лавок. Перечисленные базары находятся около площади. Позади их я по сторонам, и на перекрестках[127] есть еще базары, и все они каменные. Около площади, налево и направо от Тынчи, построены каменные палаты, которые называются кофейнями; они расписаны красками и золотом, с обеих сторон кофеен сделаны деревянные решетки, сквозь которые кызылбаши смотрят на игру, а денег не платят. Верх у всех кофеен расписан красками с золотом.

Во всех кофейнях выше роста человека протянута переплетенная проволока в виде сетки или шахматной доски. В каждой клетке стоит по стеклянной стопке с фитилем, в них налито кунжутное масло. Эти склянки с маслом зажигают по вечерам. В кофейнях сделаны каменные бассейны с водою, вокруг этих бассейнов пляшут ребята с колокольчиками, а другие бьют в бубны, играют на зурнах и дудках, все они молодые, хорошие. Они одеты в платья, чалмы, кушаки — все с позолотою, а от пояса около живота идут красивые сборки[128]. На площади торгуют всякими товарами и мелочью, старьем, продают овощи, яблоки, арбузы, дыни, груши, огурцы, виноград разных сортов, из злаков — пшеницу, муку, пшено, просо, дрова и солому пшеничную. А сена нет во всей шахской земле, вместо него продают только скрученную в трубки траву. Все продается на вес на батманы[129] — и дрова, и трава, и мука, и пшеница, и масло, и всякие овощи.

Здесь же, на площади, устраиваются разные зрелища: партиями играют в кости, раскладывают землю и камешки, делая разные узоры[130], гадают по книгам, дервиши[131] рассказывают о том, как жили их проклятые святые, проповедуют свое учение. О дервишах будет написано ниже. В конце площади, у Тынчи, на верхних складах, устроены большие сараи, покрытые сверху, но открытые с боков. Здесь персы бьют в набаты и в литавры, трубят в большие трубы, которые ревут, словно коровы, и играют на зурнах. Это с правой стороны Тынчи. С левой стороны сделан такой же сарай. Здесь бьют в двадцать набатов, трубят в трубы и играют на зурнах турки, взятые шахом в Багдаде в плен. Каждый вечер народ удаляют с площади со всем товаром и с харчем, площадь чистят и ровняют мелким камнем и крупным песком, поливают водою, чтобы не было летом пыли от коней. И тогда на площадь выезжает сам шах, там он развлекается, почти ежедневно заезжает в кофейни, а перед ним пляшут потешные его молодцы и ребята из кофеен. Некоторые молодцы стоят против него на площади с восковыми горящими свечами. Во круг всей площади горят светильники с нефтью. И так он тешится до позднего вечера: стреляют порохом, селитрою и бумагой, и кружатся по площади, как змеи.

А шах — охотник погулять по площади и базарам и

днем, когда не очень людно; тогда перед ним ходят скороходы с батожками, но иногда он гуляет и без скороходов.

От большой площади, от Тынчи, до старой площади версты с полторы, если идти вдоль каменных рядов, в левую сторону. А на старой площади продают всякое зерно, овощи и дрова — и все на вес. Здесь устраиваются различные зрелища — выпускают больших живых змей, гадают, казнят преступников — вспарывают им животы, с живых сдирают кожу и спускают ее на ноги, как покрывало.

25 июня 7132 (1624) года шах вернулся после взятия турецкого города Багдада[132]. Его встречали в садах, в армянских и в других слободах Исфахана. А навстречу вышли из города все люди с женами и с детьми, весь народ по статьям: кызылбаши и персы, армяне своим полком с женами и детьми, индийцы своим полком, евреи своим полком с женами и детьми, аврамляне своим полком, курды своим полком; отдельно своим полком стояли пешие все гулящие девки. Все остальные были на конях, ехали красиво, щеголевато. Скороходы с барсами, в чистом платье, украшенном золотом, держа в поводу быстрых коней, ехали впереди шаха. Перед ним же, на ходу, пляшут молодцы из кофеен, бьют в ладоши, а пляшут они с индийскими колокольчиками.

Встреча шаха была устроена за пять верст от главной площади. Дорога шла между садами армянских, еврейских, аврамлянских и тебризских слобод. Шахские сады содержатся в порядке и тянутся до того места, где сам шах живет. Вокруг них возведены каменные ограды и сделаны по обе стороны садов частые ворота, расписанные золотом. На воротах — палаты с балконами впереди, и все расписано золотом. Версты за две от площади в этих садах сделан большой каменный бассейн, наполненный водой. В середине бассейна поставлена медная труба, из которой бьет вверх из-под земли вода выше роста человека. Доехали до моста, построенного в шахских садах через реку Испоганьку. Эта река невелика; мелка, ее и человек, и конь могут перейти вброд, она проходит через сады и слободы. В ней водится рыба, похожая на русских подъязиков, только вкус другой, да и той очень мало. Кро-

ме этой рыбы, никакой другой нет. Не доходя до моста, от улицы начинаются идущие через сады в поля большие и многолюдные слободы, которые называются Жулфы[133] — армянская, аврамлянская, еврейская, тевризская; в каждой находится храм своего вероисповедания. Через реку построен большой и высокий каменный мост длиною в 150 саженей, шириною в 40 саженей. А по обе стороны моста возведены высокие и широкие, как городские, стены, на верх которых ведут каменные лестницы. Сквозь стены сделан проход для людей, а от прохода вниз, к воде, также ведут лестницы. По обе стороны моста на стенах сидели женщины ряда в два, а где могли — и в три. При встрече шаха, когда он ехал из-под Багдада, они кричали во весь голос, били себя руками по губам, благодаря чему голос раздваивался. Здесь же, на мосту, трубили в большие трубы, играли на зурнах, били в литавры и в набаты. Когда проходил шах, все мужчины, женщины, ребята и девушки кричали и плясали. Этот крик был так оглушителен, что нельзя было друг с другом словом перемолвиться, а теснота была такая, что невозможно было ни ехать, ни идти пешком — друг друга давили, разрывали платье, отрывали стремена, а пеших топтали. В персидском царстве был такой закон: если кто-либо из мужчин и женщин от семи до восьмидесяти лет не идет встречать шаха, тех казнят — животы вспарывают.

От моста нужно ехать среди садов, путь идет широкой улицей. Частые ворота, ведущие в сады, расписаны золотом; над воротами выстроены палаты и балконы, тоже расписанные золотом. Доехали до улицы, по обеим сторонам которой стоят две каменные мечети; в них нее расписано красками. Из мечети с правой стороны навстречу шаху вышли муллы и кешиши, а по-нашему попы, вынесли что-то вроде киота с нарисованным на нем их кумиром. Когда шах к нему прикладывался, муллы и кешиши стояли и пели, а в руках у них горели восковые свечи длиною в аршин и больше, один конец тонкий, другой толстый, свечи раскрашены разными красками — красною, зеленою, синею, желтою, и зажигаются с тонкого конца.

С левой стороны сада, напротив этой мечети, находится другая мечеть, тоже каменная и расписанная красками. На ее стене висят четыре русских образа — «Рождество

Христово» и «Вход в Иерусалим», а с другой стороны — «Преображение господне» и «Богоявление» с русской надписью, и писаны они красками, размером в пядь. Эти иконы повешены высоко, выше роста человека, их едва можно достать рукою. Говорят, что они принесены из грузинской земли. В этой же мечети на доске нарисован их идол в образе мужчины, в ней же лежат и шесты со знаменами. Не хочу сравнивать, но они как наши хоругви, которые носят в праздники вместе с иконами. А у них те шесты носят на их праздники и перед мертвыми. Шесты, длиною саженей по десяти, виноградные, тонкие, и когда их поднимают, они сгибаются. К верху шестов привязана шелковая полоска узенькая и тонкая, длиною саженей в пять, свисающая до середины шеста; на верху шестов сделаны из железа будто ножницы или журавлиный нос, а на некоторых — решетчатые кресты, круги и львы. А в тех мечетях живут охраняющие их дервиши. Эти мечети стоят пустые, в них ничего нет, висят только медные паникадила, сделанные на свой лад в виде отлитых из меди змеиных голов. Дервиши ходят по площади, улицам и базарам и рассказывают про житие и смерть своих проклятых святых. Они ходят нагие и босые, только прикрывают срамные места овчиною и через плечо носят овчину шерстью наверх, а на головы у них надеты безобразные колпаки. В руках они носят палицы, копья, топоры, в ушах — серьги из хрусталя. Образ их страшен, как у сумасшедших или дураков. Днем они ходят по площади и по улицам, мало едят и пьют, а ночью чихирь пьют и распутничают с гулящими девками и с мальчиками.

Теперь этот рассказ кончаем, так как всего не описать. Описали то, что видели своими глазами.

Дальше будет написано о мусульманских праздниках в персидской земле.

Первый праздник начинают в марте месяце в новолуние, его называют «байрам Наурус»[134], а по-нашему новый год. Его начинают праздновать, как только увидят новую луну, и всю эту ночь не спят, играют, трубят в трубы и в зурны, непрерывно бьют в литавры. С вечера все лавки на базарах красят, белят, украшают цветами. А утром во всех лавках и в домах зажигают свечи, и лампадки, и светильники — по десяти штук и больше в каждой лавке, и

так горят они часа три; затем свечи гасят, лавки и базары запирают, расходятся по домам, ничем не торгуют, только на площади устраиваются разные игры и зрелища, носят в руках и бьют красные яйца, целуют друг у друга руки. А у себя в домах, в палатах и в садах стелют ковры, раскладывают на них все свое добро и платья и по всему этому валяются, осыпают себя деньгами, а у кого деньги небольшие, те их просто все время пересыпают в кармане и говорят: «Сколько у нас есть на новый год, пусть будет каждый день». Этот праздник празднуют три дня, трубят в трубы, играют на зурнах, бьют в литавры и в набаты; так они отмечают свои праздники. В мечетях же никакого богослужения нет, только муллы залезут на мечеть, заткнут себе уши пальцами и, закинув голову в небо, кричат молитву[135]. И так кричат три раза в сутки: утром, в полдень и вечером. Праздник отмечают также блудом, накануне, с женами спят и в гостиных дворах с гулящими девками время проводят, кто сколько захочет и может. И говорят, что в этом греха нет, что в этом, мол, спасение.

Другой их праздник — пост в течение всего июля[136]. А пост у них таков: днем никто не пьет, не ест, а как только солнце сядет, начинают и пить, и есть мясо, в кофейнях и на площади играть и плясать, показывать разные зрелища. Всю ночь у них горят свечи, лампадки и светильники; сами спят с женами и с гулящими девками. Этот пост у них добровольный — кто хочет, тот и постится, кто не хочет, тот не постится. Служилые люди не постятся. Пост у них бывает только один раз в год.

Как лунный месяц пройдет и появится на небе новый месяц в августе, начинается второй праздник - - «байрам рамазан»[137]. В этот праздник разговляются, начинают днем есть и пить. А под праздник всю ночь не спят, с вечера трубят в трубы, играют на зурнах, бьют в литавры и в набаты, и опять свечи на базарах, и в лавках, и в кофейнях засветят; пляшут на площади, хлопают в ладоши, устраивают всякие зрелища, продают красные яйца, носят их в руках, друг друга берут за руки, целуются, ничем не торгуют, базары запирают. Празднуют три дня и ежедневно трубят в трубы, играют на зурнах, бьют в набаты и в литавры.

В этом же году 15 августа было у шаха представление,

но не праздник. На площади, напротив больших шахских ворот, собрался весь народ кто с кувшинами, с пиалами, с чарками, с чашами. Шах находился на балконе над большими воротами, с ним были послы и купцы. Перед самыми воротами люди играли, трубили в большие трубы, ревевшие, как буйволы, играли на зурнах, били в литавры и в набаты. А как только шах с балкона полил воду на землю и на людей, так все, стоявшие перед воротами и по всей площади, начали поливаться водой, толкать друг друга в воду, мазать себя и других, кто бы ни был, грязью, всех приближенных шаха измазали грязью. А шах всем приказал приходить на эту потеху только в лучшем платье. И вот часа два люди всех чинов поливались водою и мазались, а шах смотрел на эту потеху с балкона. И это у него была потеха, а не праздник.

Третий праздник празднуют[138] в течение 10-ти дней — с первого числа нового лунного месяца сентября, как новую луну увидят. В эти десять дней выводят верблюда. Праздник называется «байрам курбан». Говорят, что под этот праздник Авраам хотел принести в жертву своего сына Исаака. Верблюда, покрытого коврами и украшенного цветами, в течение праздника водят по площади, базарам, по всем улицам. Перед ним идут люди, играют на зурнах и бьют в бубны. А посторонние люди, женщины и дети щиплют с верблюда шерсть себе во спасение. Как подойдет десятое число, верблюда выводят из города в поле, перед ним несут украшенные копье и топор. Перед верблюдом, когда его ведут к месту жертвоприношения, идет большой полк исфаханцев, все они связаны друг с другом и все вопят, всяк во весь голос, как бешеные. А после этого полка идет другой — тебризцы, тоже связанные, и вопят тоже, как бешеные — во весь голос. И все люди, идущие перед верблюдом, вопят. От смешения людского крика и конского топота становится страшно. В поле, куда ведут верблюда, уже подготовлено место, расчищенное как гумно и политое водой.

Когда выезжает сам шах, а с ним все ханы, султаны, приближенные, служилые люди и все мужчины с женами и с детьми, тогда выезжает и даруга, а по-нашему городовой боярин, ведающий в Исфахани разными делами: он судит и казнит виновных. Этот даруга был грузинским ца-

ревичем. За ним несут древко, на одном конце которого рогатина, а на другом копье, украшенное золотым яблоком, и украшенный топор. Верблюда на том подготовленном месте валят на землю, ноги у него связывают, на ноги и на голову ему садятся с ножами человек тридцать мясников. К верблюду подъезжают шах, его приближенные, послы и купцы других государств. Шах, сидя на коне, начинает говорить фатху[139], а по-нашему молитву, по окончании ее он махнет рукою даруге. Даруга подъедет на ко-е

к верблюду, возьмет у копьеносца копье и с коня вонзит копье между ребрами верблюда, сам отъедет, а копье оставит в нем. После этого шах, все его приближенные. послы, купцы и весь народ быстро возвращаются обратно — конные скачут, а пешие бегут. Мясники тотчас же голову верблюда отрежут, рассекут его самого на куски и понесут ко дворцу шаха. А когда шах и весь народ поедут улицей, через сады, местами, о которых было раньше написало, то по тем улицам и мосту из-за тесноты от людей и коней едва можно проехать. Наверху вдоль всего моста в несколько рядов сидят женщины и вопят во весь голос, рукою бьют сами себя по губам, чтобы голос раздваивался. И этот крик страшно слушать.

Возвратившись в передние сады, шах опять поднимается на балкон над воротами, которые ведут из сада; с ним его приближенные, послы и купцы. Верблюжью голову сюда же привозят на лошади, и на каменном помосте перед шаховым балконом ее высоко поднимают на руках мужчины, потом опускают на землю, а сами вопят, и так поднимали и опускали голову раз пять, а после этого подняли мужчину сначала на плечи, потом на поднятые руки выше своих голов и держали его так долгое время, пока шах стоял на балконе и говорил молитву по своей вере; по окончании ее мужчину опустили на землю. Верблюжью голову, ноги и мясо принесли на большую площадь. Там связанные между собой люди стали по своим полкам, и вот началось побоище за верблюжью голову; тебризцы бились с исфаханцами страшным боем на конях и пешие и убивались до смерти. Осиливший полк берет верблюжью голову и относит ее к шаху, и последний тот полк награждает. А кто в этом бою не участвует, про тех людей докладывают даруге, и он им делает внушение и читает настав-

ление. А если у каких-либо мужей жены не идут встречать шаха, тем мужьям также делают внушение и взимают штраф. А если во второй раз не выйдет муж или жена, тех даруга казнит. Таким образом празднуют три дня, ничего не делают, не торгуют, бьют в набаты, трубят в трубы, играют на зурнах, продают красные яйца, берут друг друга за руки, целуют руки друг у друга. А как пройдет неделя этого праздника, всю ночь бьют в набаты и в литавры, играют на зурнах, трубят в трубы до пяти часов дня. В мечетях богослужения нет, а бывают только игры.

Четвертый праздник — «байрам ошур»[140] — начинается с первого числа лунного месяца ноября и празднуется по десятое число этого месяца. Мужчины ходят вместе по двое молодец к молодцу, но нагие и босые, в одних только штанах, вымазаны все чёрной нефтью и черны, как арапы, только одни зубы блестят. Они ходят по площади, по улицам, по базарам и по дворам, держат в руках камни, ударяют их друг о друга и непрерывно говорят: «Ксен, ксен, таусен ксень»[141]. Десять дней они ходят по площади и улицам, носят обитые бархатом, украшенные медью, соломою, оловом и стеклом гробы, впереди которых на верблюдах ездят голые ребята, сидя лицом к хвосту, и тоже вопят: «Ксень!». Перед гробами носят длинные шесты, которые описаны выше, а также водят оседланных коней со всей сбруей; шлем, латы, сагадак[142], саблю и копье носят мальчики, из них два маленьких едут голые на конях, а тело, голова и лицо у них измазаны кровью. На другой лошади едет голый мужчина, завернутый в сырую баранью кожу, шерстью к телу, мездрой вверх, а на хребте продета сквозь кожу стрела. Перед этими же гробами возят на ишаке наряженное чучело, сделанное из меха и набитое соломой; его лук и стрелы сделаны из лучины, а на голову надет колпак с кистью; с боков его поддерживают, чтобы не упал. Все его ругают и плюют на него. Это происходит на площади, где собрались всё мужчины с женами и детьми. Женщины плачут, а мужчины и ребята рассекают себе головы и ходят окровавленные. Также прорезают бритвами кожу у себя на руках и на груди и кровью мажут лицо, голову, руки. Потом соломенное чучело вывезут в поле за город, принесут соломы и нефти, польют нефтью и сожгут его, а себя бьют цепями. Так они

празднуют день, когда были убиты их проклятые и имам Хусейн[143], и окровавленные ребята — якобы его дети, а соломенное чучело — тот, кто их убил.

И всего в персидской земле четыре праздника. И написано про них не для восславления, а в укоризну, осуждение и на погибель им.

Каждую неделю мусульмане празднуют пятницу. В этот день не торгуют, на базарах не сидят, а сами под пятницу с женами и с гулящими девками спят и перед светом в банях моются, а утром в пятницу, когда рассветает, ходят на кладбища, где похоронены их близкие, и здесь над ними плачут. Таков у них праздник. Написано это в осуждение им, а не для похвалы.

Говорят, что в пятницу родился Мухаммед[144] и с того времени этот день празднуют еженедельно. А сказано это, как поношение и укоризна, чтобы предать его вечному огню и бесконечным мукам.

Зима в персидской земле короткая. Пашут землю, сеют пшеницу и ячмень около рождества Христова и крещения. Около великого заговенья и после него, в великий пост, начинает выпадать снег: ночью падает, а днем тает. На горах снега выпадает много, а на полях — нет. Так продолжается до благовещенья. Земля не замерзает, и всякий скот — овцы, коровы, кони, буйволы, ишаки и верблюды — все в поле травой сыты бывают; загонов для них не делают. На Георгиев день поспевает хлеб, и его жнут, а овощи поспевают еще раньше. В Исфахани вторично сеют хлеб, и он вырастает к успенью. Однако хлеб поспевает не везде одновременно: в одном городе его жнут, в другом в это время сеют.

В Гилянской земле около моря теплее, чем в других городах. К великому заговенью расцветают различные цветы. Хлеб в Гилянской земле, в Фарабаде, поспевает быстро; но он здесь вредный — люди от него теряют рассудок, и место здесь нездоровое. А лесов в Гиляне около моря много, а также рыбы — севрюги, осетрины, белуги. Во всей шахской земле, кроме Гиляна, лесов нет никаких, только горы. И рек нет никаких — вода всюду проведена с гор, воду проводят по полям и этим орошают нивы. А дождей, за исключением Гилянской земли и Шемахи, нигде не бывает.

Миниатюра Реза Аббаси — «Портрет старика» (начало XVII в.)

Персы и кызылбаши носят озямные, киндячные, дорогильные, кумачные или кутняные[145] кафтаны, вокруг пояса большие кушаки, а сверху кушаков вишневые шали, на голову надевают чалму, на ноги — чулки и башмаки Женщины ходят, закутавшись в тонкие миткали, ни лица,

ни глаз не видно. На ногах носят суконные чулки и башмаки; у некоторых чулки бархатные.

Все женщины и девушки носят штаны. Косы заплетают длинные, до пояса и до пят. Некоторые плетут по две, три и четыре косы, вплетают в косы и чужие волосы, этим украшают себя. В ноздрях носят золотые кольца с драгоценными камнями и жемчугом. Их исподнее платье состоит из узкого кафтана и рубахи без вышивки, а на груди, около шеи и на лбу они носят нитки жемчуга. Персы и кызылбаши называются мусульманами потому, что их попы делают обрезание у мужчин. Отрезанный конец плоти нанизывают на нить и носят у себя на вороте. Жен держат, сколько кто хочет и может,— по две, по три, по пяти и по семи.

У аврамлян, которые были у шаха на встрече, лица смирные, у всех большие бороды, волосы черные. А жен держат по две, по три, и по пяти, и по семи, и по сколько кто захочет и сможет. Платье они носят широкое, у всех кирпичного цвета, сделанное из верблюжьей шерсти, на голове носят чалму, ходят босиком, штаны носят всего лишь до колен. На женщинах платье желтое, сделано из той же верблюжьей шерсти. Говорят, что они веруют в Авраама и зовутся аврамляне[146]. Когда кто-нибудь у них умирает, они ставят его около своей мечети, подпирают вилами под горло, чтобы не упал, и он стоит до тех пор, пока не прилетит птица и не выклюет у него глаз. Если выклюет правый глаз, это значит, умерший — праведник, выклюет левый — значит, не угодил богу. Потом их хоронят в земле.

Что касается до мултанеев в Исфахани[147], а по-нашему индийцев, то у них веры разные — одни придерживаются мусульманства, другие веруют в солнце. Как утром начинается восход солнца, так они молятся ему!

А другие мултанеи мажут переносицу около лба желтою краскою. Если из них кто-нибудь умрет, их вывозят за город или за посады в поле, где и сжигают на костре, а пепел развеивают. Говорят, что умерший пошел, мол, на небо. Называются эти индийцы христианами. Все индийцы носят платье из белого миткаля, белую чалму на голове, а ростом невелики, лицом бледные, сухие и смуглые.

А евреи, мужчины и женщины, носят вишневое платье,

по внешнему виду похожее на стихари у русских дьяконов с оплечьем, а по подолу кругом оторочка, на голове у некоторых чалмы, у других — шапки, как клобуки. У женщин на голове большие желтые платки, лиц они не закрывают, станом плоски. У мужчин бороды большие, лица чистые. Это пусть будет им на погибель и бесконечную муку.

В персидском царстве их не любят, убивают и озлобляют, называют их «чагатами», а некоторые — «жигутами»[148].

Есть в Казвине зверь — тигр, он величиною больше льва, шерсть у него цвета глины, низкая, поперек идут черные полосы. Губы, как у кота, и повадки кошачьи, а сам пузатый, ноги короткие, тело длинное, голос сильный и страшный, когти, как у льва.

И эти повести теперь окончены!

Дальше описывается путь из Шемахи в турецкую землю. Путь от Шемахи в турецкую землю идет на северо-запад, по нему ходят на навьюченных верблюдах, конях и ослах. Идти от Шемахи до Ряши три дня равниной, Ряш[140] — посад около крепости.

От Ряши до Ганджи[150] день ходу равниной между гор. В Гандже крепости тоже нет, только посад. Около нее протекает река Кура. От Ганджи шесть дней пути горами до Еревана[151]. В Ереване стоит каменная крепость на ровном месте над рекою Зенгичай. Река неширокая — человек может с берега на берег перебросить камень. Недалеко от города Еревана расположен Учьклюс[152], по-армянски, а по нашему, по-русски — Три Церкви; они были большие и красивые. Все это место и Ереван были армянским царством. Это был престольный город, а церквами мы их называем потому, что на них есть кресты. Две церкви стоят пустые, а в третьей поют армяне. В церкви нет никаких икон, только крест да образ пресвятой богородицы. Есть небольшой колокол, но звонят в него лишь иногда, так как боятся мусульман. И под тем же городом Ереваном, к югу, находится гора очень высокая и большая. А вершина поднялась, как колпак. От Еревана до нее больше десяти русских верст. Вокруг той горы идти, говорят, пять дней. На этой горе лежит вечный снег, и на нее нет подъема ни для кого. На этой горе стоит Ноев ковчег[153]. Персы и турки ту гору называют Султан-агры. Они же зовут ее

Баш-Дакеми, что по-нашему, по-русски, наверху горы ковчег». У нас ту гору зовут Арарат.

На север от Ганджи через два дня пути начинаются грузинская земля и посад Зечен[154]. В грузинской земле много лесов. От Еревана до Малазгирта[155] два дня пути ровным местом между горами. Малазгирт стоит над рекою Карсом[156]. Здесь проходит граница между шахскими землями и землями турецкого султана. Раньше все эти города были турецкие, но шах их забрал тогда же, когда взял Шемаху. От этой границы — от Малазгирта началась с тех пор турецкая земля. До турецкого города Эрзурума[157] восемь дней пути, от Эрзурума до Эрзинджана[158] четыре дня пути, от Эрзинджана до Карахисара[159] два дня пути, от Карахисара до Войлогара[160] полдня пути, от Войлогара до Токата[161] три дня пути, от Токата до Турхала[162] день пути, от Турхала до Амасьи[163] три дня пути, от Амасьи до самого Стамбула, — то нашему, до Царьграда, — пятнадцать дней пути. Это путь из Шемахи в Царьград.

Из шахского города Ардебиля ходят в турецкую землю через Тебриз.

Из шахского города Казвина ходят в турецкую землю на Багдад и Басру[164]. А Багдад, говорят, важное место. Это большой каменный город; под ним протекает река больше Москвы-реки, жилых дворов и людей много; а некоторые дома в Багдаде еще до покорения его шахом были пустые. Говорят, что в древности в Багдад было переселение из первого Вавилона. Персы и армяне до сих пор называют Багдад Вавилоном. Перед взятием Багдада шахом в 7131 (1623) году, говорят, с неба песок сыпался на хлеб, и этого песку было до половины колена. От Багдада до Басры шесть дней пути. Басра была турецким городом, но взял его Карчегахан[165] после того как шах взял Багдад. И с этого времени город Басра стал граничить с землями турецкого султана.

От Багдада и Басры начинается земля арабских кочевников. Там их Мухаммед похоронен, в арабской земле. Могила всего лишь за три недели пути от Басры, Останки Мухаммеда лежат в пустой мечети. От Басры ходят в Царьград, в турецкую землю. Здесь арабы не черные; черные арабы живут около Индии.

Теперь будет описан путь из персидской земли в Индию. Из шахского города Кума есть вьючный дуть в Мултанейское царство, или в Индию. От Кума два дня пути до Верамина[166], от Верамина до Тегерана[167] день пути, от Тегерана до Фарабата[168] восемь дней пути, от Фарабата до Мешхеда[169] пятнадцать дней пути, от Мешхеда до Кандагара[170] сорок дней пути. Здесь проходит граница между шахскими и индийскими землями. Город Кандагар шах взял в 7130 (1622) году, и он стал пограничным с Индией шахским городом. А от города Кандагара все время идти на восход солнца.

От Исфахана есть путь в Индию через Кашан и на Кум, а от Кума — на Верамин, об этом было написано выше.

От Исфахана же есть путь туда, куда Белым морем[171] на кораблях приходят торговать немцы. От Исфахана есть также путь на Фарабат, от Фарабата до Мешхеда пятнадцать дней пути. От Мешхеда до Кандагара сорок дней пути, А от Кандагара, по направлению правее солнечного восхода, сказывают, около сорока дней пути до Белого моря. На этом Белом море стоит город Урмуз[172]. И у того города пристань корабельная; сюда приходят немецкие, английские и французские корабли. Из того города Урмуза вьючным путем на верблюдах приходят через те города, про которые было написано выше, в Исфахан, в персидское царство, немецкие люди с товарами и деньгами покупать шелк-сырец.

Раньше город Урмуз был индийским, но его взяли шах и немцы вместе. А сейчас, говорят, что тот город Урмуз целиком принадлежит шаху.

Теперь несколько слов о мусульманской вере. Мусульмане молятся на небо, сидя на коленях и воздев к небу руки. Когда идут молиться, то моют руки по локоть, и ноги, и зад, и передний срам.

В персидской земле грамоты пишут от имени шаха по всем городам.

Сначала пишут золотом «Божья милость», под этими словами, оставляя три-четыре строки, пишут титул: «Его шахское величество, государь над всеми государями, шах Аббас», затем пишут название города, в который посы-

лают грамоту, например, в Шемаху, или Ардебиль, или другой город, затем пишут кому: «ардебильскому султану Свирли» или какому-либо другому хану, о том, чтобы знал, мол, что в эту пору посол или купец праведного и милостивого великого государя Владимирского, который над государями государь, пользуется милостью царской, бьет царю челом. Затем уже пишут о деле.

А всякие письма и грамоты в противоположность нашему письму пишут справа налево.

Вот турецкий счет: бир, ики, учь, дерть, бежь, алты, едди, секиз, токуз, он, онбир, оники — и так все до двадцати. Двадцать — игирьми, игирьми бир, игирьми ики — и так все до тридцати. А тридцать — оттуз, оттуз бир, оттуз ики — и так все до сорока. А сорок — кырк, кырк бир, кырк ики — и так все до пятидесяти. А пятьдесят — илли, илли бир, илли ики — и так до шестидесяти. А шестьдесят — алтмыш, алтмыш бир, алтмыш ики — и так все до семидесяти. А семьдесят — едмиш, едмиш бир, едмиш ики — и так все до восьмидесяти. А восемьдесят — сексень, сексень бир, сексень ики — и так все до девяноста. А девяносто — токсен, токсен бир, токсен ики — и так все до ста. А сто — юз, а тысяча — мин.

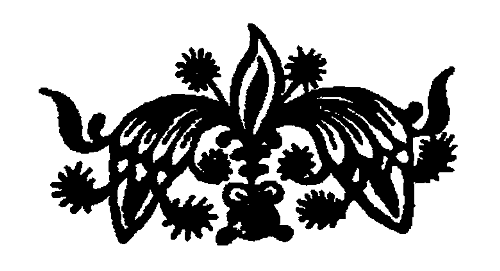
Вот персидский счет: як, ду, се, чар, паншь, шашь, гафт, гашты, ног, дах, якзда, дувазда — так все до двадцати. А двадцать — бити, бистияк, бистиду — и так все до тридцати. А тридцать — сил, силвуяк, силвуду — и так все до сорока. А сорок — чичил, чичил як, чичил ду — и так все до пятидесяти. А пятьдесят — пенджа, пенджу як, пенджу ду — и так все до шестидесяти. А шестьдесят — шучь, зашучь, заяк, шузаду — и так все до семидесяти. А семьдесят — гафтьва, гафтьва як, гафтьва ду — и так все до восьмидесяти. А восемьдесят — гаштьда, гаштьда як, гаштьда ду — и так все до девяноста. А девяносто — ногда, ногда як, ногда ду — и так все до ста. А сто — сета, а тысяча — мин.

В турецкой, персидской и арабской азбуках одинаковые буквы, однако народы говорят каждый на своем языке[173], Наверху — русская азбука, посередине — персидские слова, а внизу — на турецком языке.

Вот азбука армянская: аин, пень, кень, та, ечь, за, е, еть, то, же, инни, лон, хе, ца, кень, гоц, кат, че, мен, и, но,

ша, по, ча, бе, че, ра, се, вев, дюн, ре, цо, фун, пур, ке, ечь, айн, заавсас.

Вот грузинский счет: ерт, ори, сами, охты, хуты, екси, шуди, ревя, цьхра, аты. Одиннадцать — терпеты, двенадцать — торт, двадцать — отсек, тридцать, сорок — урмусе, пятьдесят — сатму, саты, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят — отмутсе, девяносто, сто — оси, тысяча — атаси.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Коломна — один из крупных торгово-ремесленных городов в Русском государстве XVII в.

[2] Голутвин монастырь — имеются в виду Голутвин-Богоявленский и Бобренец-Голутвин монастыри, основанные в XIV в.

[3] Переславль Рязанский — ныне г. Рязань. В начале XVII в. город был одним из крупных торгово-ремесленных центров России.

[4] Терехов монастырь — расположен в 50 км от Старой Рязани, упоминается в «Книге Большому чертежу» (под ред. К. Н. Сербиной. М. — Л., изд-во АН СССР, 1950, стр. 122).

[5] Вышегород — г. Вышгород, расположен при впадении р. Рака в р. Оку.

[6] Старая Резань — столица Рязанского княжества в XII—XIII вв., ныне городище на правом берегу р. Оки в 50 км от современной Рязани.

[7] Касымов — г. Касимов. С середины XV в. до 1681 г. был центром Касимовского царства, т. е. удельного владения потомков ордынского царевича Касыма, не имевших никакой политической самостоятельности и целиком зависевших от московских царей. Упоминаемый Котовым царевич Уруслан — один из касимовских царей.

[8] Муром — в XVII в. был значительным торгово-ремесленным центром.

[9] Елатма — ныне Елатьма. В XVI—XVII вв. здесь была важная пристань на р. Оке; в «Книге Большому чертежу» (стр. 123) называется городом.

[10] Павлов перевоз — ныне г. Павлово Горьковской области. В начале XVII в. был известен как центр ремесленного

производства (обработка металлов); в «Книге Большому чертежу» (стр. 124) назывался городом

[11] Нижний Новагород — ныне город Горький В XVII в.— крупный торговый центр.

[12] Василь-город — ныне поселок Васильсурск в Горьковской области.

[13] Козмодемьянское — Козьмодемьянск. Возникший как крепость, он в начале XVII в. уже не имел военного значения.

[14] Чебоксары — в XVII в. крупный торговый центр на Волге.

[15] Кокшайское — село на Волге, расположенное между устьями рек М. и Б. Кокшаги. В XVII в. оно было незначительной военной крепостью.

[16] Свияжское (Ивангород) — Свияжск. В начале XVII в. из военной крепости стал превращаться в торгово-ремесленный и административный центр.

[17] Казань. Во времена Котов а Казань была крупнейшим торгово-ремесленным центром и занимала значительную территорию — каменный кремль, верхние и нижние посады, обнесенные деревянной стеной, и слободы. В городе насчитывалось около 20 тыс. жителей.

[18] Самара — ныне г. Куйбышев. В начале XVII в. крепость Самара еще служила для защиты юго-восточных границ России от набегов ногайцев и крымских татар.

[19] Саратов — во времена Котова был крепостью.

[20] Камышенка — небольшой посад на Волге, ныне г. Камышин.

[21] речка Камышенка — правый приток Волги, в ее устье находится г. Камышин.

[22] Река Илавла — Иловля, левый приток Дона.

[23] Царицын — ныне Сталинград. Молодой город на Волге. Был сильно укреплен и служил важным стратегическим пунктом для защиты русских земель от набегов степных кочевников. В городе жили стрельцы и казаки, управлялся он назначаемым из Москвы воеводою.

[24] Пять изб — Пятиизбянская станица второго Донского округа Войска донского на р. Дон; в XVII в. там была небольшая ярмарка.

[25] Азов — в начале XVII в. был турецкой военной крепостью, заграждавшей выход из Дона в Азовское и Черное моря.

[26] Черное море — Котов и Черное, и Азовское моря называет «Черным». Он пишет: «Азов стоит на Дону в пяти верстах от устья Черного моря».

[27] Кафа — Феодосия. В 1475 г. город завоевали турки и переименовали его в Крым-Стамбул, назвали его также Кучук-Стамбул и Кефе. В XVII в. Кафа считалась укрепленным пунктом, населения в ней было немного.

[28] Стамбул — в начале XVII в. столица Османской империи.

[29] Ахтуба — по-татарски Ак-Тюбе — Белые холмы, левый рукав Волги длиной около 520 км.

[30] Море Хвалижское — Каспийское море. На Руси называлось также Дербендским. Названия Хвалижское, Хвалынское или Хвалитьское образовались из арабизированной формы слова «Хваризм», т. е. Хорезм.

[31] Золотая Орда — так Котов называет столицу золотоордынских ханов Сарай-Берке, или Новый Сарай; окончательно разрушенный в 1480 г. союзными войсками Ивана III и Менгли-Гирея. Во времена Котова Золотая Орда как город не существовала. Сохранившиеся каменные постройки — царский дворец, мечети и другие здания — разбирались и использовались как хороший строительный материал, который отправляли в Астрахань.

[32] Астрахань, Астрохань — С начала XVII в. Астрахань постепенно превращалась в укрепленный пункт Русского государства на юго-восточной его границе. Торговое значение Астрахани к этому времени было велико (см. предисловие).

[33] Кутумовка — Кутум, рукав Волги, вытекающий из главного русла у самой Астрахани, длиной около 20 км.

[34] Розряд (разряд) — разрядный приказ, центральное правительственное учреждение в Русском государстве в XVI—XVII вв.

[35] Бухарские земли, Бухара — так на Руси называлось Бухарское ханство, находившееся с 1510 по 1597 гг. под властью узбекской династии Шейбанидов, а с 1597 г. — Аштарханидов. Торговые связи у русских купцов с Бухарой были еще до монгольского нашествия. В конце XVI — начале XVII вв. из-за междоусобной борьбы в Средней Азии и разбоев на дорогах торговля несколько ослабла, тем не менее русские купцы продолжали ходить «в Бухары» и «в узбеки».

[36] Кызылбаши. Кызылбашские земли. Персидская земля, Шахская земля — названия Персии на Руси в XVI — XVII вв. «Шахская земля» — от названия верховного правителя Персии «шаха», «кызылбаши» — по имени правивших в стране так называемых кызылбашских племен, которые составляли до начала правления шаха Аббаса I основную военную силу Сефевидов. Название «кызылбаши» (буквально «красноголовые») эти племена получили из-за красных полос на головном уборе, который они носили. В Московской Руси персов называли кызылбашами даже в официальных документах.

[37] Аманаты, арабск. — заложники. Благодаря связям с восточными соседями это слово было широко известно и употреблялось на Руси.

[38] Балда — Болда, небольшая протока в дельте Волги.

[39] Тотарове (татары) — во времена Котова название многих народов монгольского и тюркского происхождения, входивших ранее в состав Казанского, Астраханского и Крымского ханств. В данном случае Котов имеет в виду астраханских татар.

[40] Нагаи — ногайцы, потомки той части населения Золотой Орды, которая находилась в XIII в. под властью темника (военачальника) Ногая. В XIV в. после распада Золотой Орды ногайцы образовали Ногайскую Орду, которая позже распалась на ряд мелких орд. В 1555—1557 гг. ногайские орды стали постепенно переходить в русское подданство. Кочевали ногайцы на Северном Кавказе от Черного до Каспийского моря.

[41] Выставка — вероятно, одно из монастырских угодий (см. Срезневский — *Материалы для словаря древнерусского языка*. т. I, стр. 453).

[42] Царева протока — Царев, рукав Волги, отходит от главного русла в 3 км ниже г. Астрахани; длина около 140 км; соединяется с протокой Болдой.

[43] Кобыльи озера — кобыльские соленые озера в 80 км к юго-западу от Астрахани, их семь. Соль в озерах хорошего качества.

[44] Мачеговское — одно из семи соленых озер.

[45] Учюг и Ванчюг. Учуг — частокол для загона рыбы. Ванчуг — искаженное Иван учуг.

[46] Бирюль — протока в дельте Волги; есть также остров «Бирючья коса» с селением того же названия.

[47] Урослоба, Руслуба — один из населенных пунктов недалеко от устья Волги. Жители его занимались рыболовством.

[48] Прорва — вероятно, так назывался один из населенных пунктов недалеко от устья Волги, в котором стоил стрелецкий караул.

[49] Четыре бугра — небольшой остров близ устья Волги.

[50] Гилянские бусы — торговые суда гилянских купцов. Гилян — одна из прикаспийских провинций Персии.

[51] Сандалы (шандалы) — небольшие одномачтовые парусные суда.

[52] Казыевские татары — так назывались ногайцы из улуса мурзы Казыя, перекочевавшие в 1604 г. из района между р. Бузулук и Аральским морем к Азову. В первой четверти XVII в. они часто нападали на поселения донских казаков.

[53] Терек — город Терки или Терский, центр Терской области, основан в 1567 г.

[54] Тарки (Тарху, Тарку) — сейчас небольшое селение на берегу Каспийского моря в 2 км от Махач-Калы.

[55] Дербень — Дербент.

[56] Шаврань — Шабран в Бакинской области, находился километрах в 25 от г. Кубы. В начале XVII в. был небольшой крепостью. Сейчас сохранились лишь остатки крепости, известные у местных жителей под названием Шабран Калеси.

[57] Шелоник — курганы, холмы, дюны, неровная местность по пути к Яику.

[58] Акраганьское пристанище — на западном побережье Каспийского моря есть Аграханский полуостров и Аграханский залив, в который впадает Терек. Возможно, что там и была какая-нибудь пристань. Но, судя по контексту, Котов имел в виду «Караганское пристанище», находившееся в районе устья Яика на пути в Хиву и Бухару (И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879, стр. 226).

[59] Яицкое устье — устье р. Урала, называвшегося до XVIII в. Яиком.

[60] Узбеки — с начала XVII в. в русских документах узбеками называли различные народности Средней Азии, входившие в состав Шейбанидского узбекского ханства: киргизов, казахов, каракалпаков и даже таджиков.

[61] Ширванская земля — Ширванское ханство, находившееся на территории нынешней Бакинской области, было подчинено персидскому шаху.

[62] Низовая — Ниазабад, пристань на западном берегу Каспийского моря в северной части Дагестана, примерно в 70 км к юго-востоку от Дербента.

[63] Фарабат — какой населенный пункт — Фарахабад или Фахрабат, что в данном случае имеет в виду Котов, выяснить не удалось.

[64] Дербенский присуд — Дербент был административным центром, там находился даруга — высший полицейский чин в округе.

[65] Шамаха (Шемаха, Шамахи). В начале XVII в. Шемаха была крупным торгово-ремесленным городом и пользовалась изве-

стностью в Западной Европе и Русском государстве как центр торговли шелком, куда приезжали купцы из Генуи, Венеции и других государств.

[66] Агач — мера длины; пеший агач был равен 4 верстам, конный — 7 верстам.

[67] Турский царь, Турская земля — так в XVI — XVII вв. назывались турецкий султан и Османская империя в официальных документах Русского государства.

[68] Чернь — Черный Рынок, селение в Терской области на р. Прорве, близ Каспийского моря; возможно, Котов имеет здесь в виду пристань того же названия на западном побережье Каспийского моря.

[69] Тюменка — небольшая река на Северном Кавказе, на ней был выстроен г. Терек — Терки.

[70] Слободы великие — Черкаская слобода, да Окоцкая, да новокрещеных черкас слобода — небольшие поселения на берегу Терека, недалеко от города Терка.— [См. в «Книге Большому Чертежу»: «А в тех горах по Терекуи по рекам по иным пятигорские черкасы, и кабарда, и окохи, и осоки, и кугени, и мичкизы» («Книга Большому Чертежу», под ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., АН СССР, 1950, стр. 88)].

[71] Быстрая река — Котов неправильно говорит, что в р. Быструю в 60 верстах ниже г. Терка впадает Терек. В «Книге Большому чертежу» говорится: «А в Суншу реку пала река Белая да река Быстрая» (там же, стр. 91). Таким образом, р. Быстрая — приток р. Сунжи, которая, в свою очередь, является притокам р. Терек.

[72] «Из гребенеи» — (имеются в виду гребни на берегу горной речки Акташе в ущельях Кавказских гор. (Примечание М. П-ого).

[73] Кабарды — кабардинцы. В XIII — XVI вв. кабардинцы уже занимали территорию, которая в XVII в. стала называться Кабардой и землями «пятигорских черкесов». В XVI в. в Кабарде стали складываться феодальные отношения. В начале XVII в. Кабарда распалась на множество мелких феодальных владений, во главе которых стоял старейший «князь». Особенностью общественного строя Кабарды XVI — XVII вв. было переплетение феодальных отношений с родовыми и наличие пережитков патриархального рабовладения. Со времени Ивана Грозного между Кабардой и Русским государством установились дружественные отношения (Иван Грозный в 1561 г. женился на дочери кабардинского князя Темрюка). После некоторого ослабления русских позиций на Северном Кавказе во время польско-шведской интервенции в начале XVII в. Османская империя и Крымское ханство неоднократно пытались утвердить свою власть в Кабарде.

[74] Остров Чечень — расположен около Аграханского полуострова.

[75] Кумачаня — кумыки. Народность, образовавшаяся в результате смешения местных дагестанских племен с пришлыми тюркскими элементами (главным образом, с половцами—кыпчаками).

[76] Горские черкасы. Черкасами (черкесами) назывались разноплеменные, но родственные по языку и культуре северокавказские и иногда дагестанские (не тюркские) народности Кавказа.

[77] Крымские татары — имеются в виду кумыки, подчинявшиеся «крымшаху» или Тарковскому шамхалу. Крым — местечко в Дагестане на р. Алазани, впадающей в Куру; оно указано в «Книге Большому чертежу» (стр. 89).

[78] Сунша — Сунжа, вытекает из гор Чечни и впадает в Терек. Длина около 200 км.

[79] Меншой Аксай и Болшой Аксай. Ныне известна одна река Аксай, которая течет в Дагестане и, не доходя до Терека, теряется в болотах.

[80] Койса-река — Койсу, общее название системы четырех рек в горной части нынешней Дагестанской АССР. Аварское и Андийское Койсу, слившись, дают начало р. Сулак.

[81] «Илдырхан шурин шахов того звут Крымъ шахом» — имеется в виду Тарковский шамхал, кумыкский правитель (см. прим. 77).

[82] Салтан Мут — имя правителя горских черкесов — кумыков.

[83] Лязгинцы — лезгины, племена, обитавшие на юге Дагестана; в XVII в. у них сохранялся первобытно-общинный строй. Котов правильно указывает на лезгинские племена, жившие между Тарками и Дербентом в горах и никому не подчинявшиеся. Их правитель назывался «усмием».

[84] «Князь у них свои, а словет усминьской» К северо-западу от Дербента находилось княжество Кайтак, правители которого имели титул «уцмия» («усмия» — в русифицированной форме, происходит от арабского слова «исм» — имя, означает «именитый»). В начале XVII в. Кайтагское уцмийство дорожило поддержкой Русского государства и экономическими связями с ним.

[85] «Имали у торговых людей со вьюка по три киндяка». Киндяк — ткань, набойка. Здесь — по три куска определенной ткани с вьюка.

[86] Кайдатской князь — см. прим. 84.

[87] «От того города Дербеня стена была каменная через горы в Черное море в Туръскую землю». От Дербента на запад много веков назад была построена стена для защиты от степных кочевников. У восточных авторов эта стена называется обычно «стеной Александра» (Македонского). (См.

И. Н. Березин. Путешествие по Востоку, т. I, ч. 2, Казань, 1850, стр. 8).

[88] Бусорманы — широко распространенное на Руси название мусульман.

[89] Арменья — армяне.

[90] «Сорок мученик» — это знаменитое кладбище «Кырхляр». По мусульманскому преданию, здесь был уничтожен мусульманский арабский отряд, посланный во времена халифа Османа для покорения этого края. По свидетельству И. Н. Березина (Путешествие по Востоку, т. I, ч. 2, стр. 30—31), все надписи на могильных плитах мусульманские; относятся к XIV в. и более позднему времени.

[91] Карасамраи, карамсараи — так Котов называет караван-сараи, постоялые дворы на торговых путях и в городах Ближнего и Среднего Востока. Иногда он заменяет слово «караван-сарай» русским термином «гостиный двор».

[92] Тезичеи — тезики, персидские купцы. Так же Котов называет и вообще персов.

[93] Мечеть — мусульманский храм.

[94] Ердань — резервуар, наполненный водой, бассейн.

[95] Город Александров — т. е. построенный Александром Македонским; некоторые развалины древних городов жители называли «Александриями». В данном случае не известно, какие развалины недалеко от Шемахи упоминает Котов.

[96] Ыспагань — Исфахан, город в центральной части Персии; был объявлен столицей Сефевидского государства при Аббасе I, т. е. незадолго до приезда Котова в Персию. В конце XVI и в начале XVII в. город быстро рос: была создана новая планировка его центра, сооружены дворцы, мечети, разбиты парки, через реку Зайенде-руд были построены многоарочные каменные мосты. Исфаган того времени был крупнейшим торгово-ремесленным и культурным центром страны.

[97] Ардевиль — г. Ардебиль в южной части Азербайджана. Ардебиль был столицей первых сефевидских шахов. Здесь находится мавзолей родоначальника сефевидской династии шейха Сефи и первого шаха — Исмаила I. В XVII в., несмотря на перенесение столицы в другой город, Ардебиль был одним из крупнейших городов в Персии.

[98] «И тут рахтаны емлют с верблюда по две абасы». Рахдар — таможенная пошлина. Аббаси — персидская серебряная монета.

[99] Муганы — по Котову, кочевники Муганской степи; Муганской степью называется часть Кура-Араксинской низменности к юго-востоку от места слияния Куры и Аракса.

[100] Кора-река — р. Кура.

[101] Салтан — султан, высший военный чин в сефевидской Персии.

[102] Мечеть... шах Софея — мечеть в Ардебиле, построенная сыном шейха Сефи — шейхом Садр-эд-дином. Мечети иногда владели землей, караван-сараями, базарами и т. п., так называемым «вакфом». Это дало Котову основание сравнить мечети с русскими монастырями.

[103] Диво-мурза — Диви-мирза, сын Аббаса I, похороненный в Ардебиле.

[104] «Их ничем невредить, ни казнить» — Котов говорит о старом обычае в Персии, так называемом «бесте», когда преступник мог скрыться от властей в мечети, мазарах и в других местах, считавшихся неприкосновенными.

[105] Матавелеи — мутавалли, управляющий «вакфом».

[106] Салаван — гора Савалан, у подножья которой расположен г. Ардебиль.

[107] Тевриз — Тебриз, центральный город провинции Азербайджан, в XVII в. был крупным торгово-ремесленным центром в Персии.

[108] Халкан — г. Халхал, город в северной Персии, между Ардебилем и Зенджаном.

[109] р. Кизыл — река Кызыл-Узен, так называется верховье реки Сефид-руд.

[110] Зеньга, Зенга — город Зенджан, расположенный на важнейшем торговом пути в Персии, соединявшем провинцию Азербайджан, Армению с центром страны. Большого значения в XVII в. Зенджан не имел.

[111] Салтанея — город Султанийе, Султания; находится недалеко от Зенджана. Город начали строить в XIII в. Хулагиды, при которых он был объявлен второй столицей Персии. Наибольшего расцвета Султания достигла в XIV в. Постепенно город стал приходить в упадок, утратил свое значение. В XVII в. в нем было около 6 тыс. жителей; во времена Котова многие постройки еще сохранились и поражали своим великолепием. В городе находится гробница султана Олджейту, более известного под своим мусульманским именем Худабенде.

[112] Вероятно, речь идет о жилых кварталах вокруг цитадели.

[113] Салтамунит — вероятно, речь идет о хулагидских правителях, правивших в конце XIV — начале XV в.

[114] Шах... Софеи — Исмаил, первый шах из династии Сефевидов.

[115] Авгарь — Абхар, город, лежащий на пути из Зенджана в Казвин.

[116] Казбин — Казвин, один из древних городов Персии. В XVI в. Казвин был столицей сефевидской Персии и поэтому значительно разросся; в пышности он не уступал в XVII в. ни одному городу в Персии, кроме Исфахана.

[117] Богдат — город Багдад. В 1623 г. Багдад был захвачен персидским шахом Аббасом I.

[118] Сава — Саве, город в Персии, находился на торговом пути между городами Казвином и Кумом (см. прим. 119).

[119] Кум — один из древних городов Персии. Особенно известен как религиозный центр шиитов. Здесь находится гробница Фатимы, сестры одного из шиитских имамов. В Куме, начиная с XVII в., похоронено много шахов.

[120] Мултанеиское царство. Мултан — город в Западном Пакистане, один из древнейших городов Индии, важный пункт на караванном торговом пути. Город был широко известен среди купцов Ближнего и Среднего Востока. По имени этого города Котов и называет Индию Великих Моголов «мултанеиским царством».

[121] Кашин — Кашан, город в Персии, севернее Исфахана, с древних пор славился производством глиняных и фаянсовых изделий. Свое торгово-ремесленное значение Кашан сохранял и в XVII в.

[122] Нетензя — Натенз, город в Персии, расположенный на пути из Кашана в Исфахан.

[123] Эту же легенду передал и Адам Олеарий, посетивший Персию несколько позднее Котова.

[124] Аравляне (аврамляне) — возможно, имеются в виду последователи Авраама, одна из мусульманских сект. Однако более вероятным является предположение, что Котов имеет в виду сирийцев.

[125] Тынчак или Тынча — название Центральной торговой площади и торговых рядов в Исфахане.

[126] Киюз — искаженное турецкое слово «кёшк» — павильон, киоск. Двухсот русских лавок на исфаганском базаре в то время быть не могло.

[127] Крестцы — имеются в виду базары, расположенные на перекрестках улиц в центре города.

[128] Бор — сборки, морщины.

[129] Батман (или ман) — наиболее распространенная в Иране мера веса, равная в зависимости от района 3 — 6 кг.

[130] «И землею и камышки розводят, играют» — стараются так бросить камни, чтобы получились какие-либо фигуры, узор, «развод».

[131] Абдалы — члены дервишского ордена, наиболее распространенного в то время в Персии. «Их клятые», т. е. мусульманские святые.

[132] «Шах пришол». Котов посетил Персию во время царствования шаха Аббаса I или Великого (1587—1628), одного из самых выдающихся шахов сефевидской династии. Придя к власти, Аббас направил все свои усилия на централизацию государства и усиление шахской власти. Чтобы уничтожить зависимость шаха от кызылбашских племен, Аббас провел военную реформу. Он скомплектовал гвардию так называемых шах-севенов (шахских дружинников) из разных племен и тем обезопасил себя от преобладающего влияния одного какого-либо племени. Вместе с тем он создал регулярное войско (20 тыс.), находившееся на содержании государственной казны, организовал производство огнестрельного оружия. С новой армией шах Аббас одержал несколько блестящих побед над узбеками и турками, значительно расширил территорию своего государства. При шахе Аббасе Сефевидское государство достигло наибольшего расцвета и могущества.

[133] Жулфы — искаженное Джульфа. Джульфа — небольшой город при впадении Алинджи-чая в Аракс, в XV — XVI вв. занимал видное место в транзитной торговле через Закавказье. В 1603 г., т. е. незадолго до посещения Котовым Персии, Джульфа была разрушена Аббасом I, а около 50 тыс. ее жителей были переселены в Персию, в предместье Исфахана, которое стало называться Новой Джульфой. Жители Новой Джульфы были размешены по слободам — армянским (преимущественно), еврейским, азербайджанским и др., поэтому Котов и воспринял слово «Джульфа» как обозначение слободы, предместья вообще, а не как имя собственное.

[134] Байрам-науруз — праздник нового года в Персии (байрам — праздник; науруз, правильно ноуруз, — первый день нового года) отмечается 21 марта.

[135] Колоколов в мусульманских храмах нет. К молитве три раза в день призывают муэдзины.

[136] Июль месяц постятся весь — Котов был в Персии всего несколько месяцев и не мог наблюдать перемещения праздников с одного месяца на другой. Судя по всему, он не знал мусульманского лунного календаря и решил, что месячный пост рамазан постоянно бывает в июле.

[137] Байрам-рамазан — праздник по окончании тридцатидневного поста в месяце рамазан, отмечается в первые дни следующего месяца — шавваля. Один из главных мусульманских праздников.

[138] Байрам-курбан — праздник жертвоприношения, отмечается в месяце зу-ль-хидже. Каждый мусульманин должен в этот день принести жертву и совершить молитву.

[139] Фата — «фатха». Этой главой начинается Коран, основная священная книга мусульман.

[140] Байрам-ошур — праздник ошура, «шахсей-вахсей» (см. прим. 141). Этот шиитский праздник посвящен памяти шиитского

имама Хусейна, сына имама Али и Фатимы, дочери пророка Мухаммеда. Хусейн был убит в 680 г. около Кербелы по приказу омейядского халифа.

[141] Ксен ксен таусен ксень — искаженное выражение «Хусейн! Хусейн! — Шах Хусейн! Вай, Хусейн!». С этими возгласами шииты идут во время траурного шествия по улицам. Отсюда произошло и название праздника «шахсей-вахсей».

[142] Сагадак — лук со стрелами.

[143] Мамсень — имам Хусейн (см. прим. 140).

[144] Бахмет — имеется в виду Мухаммед (род. ок. 570 г. — ум. 632 г.). который считается основателем мусульманской религии — ислама.

[145] «Озямные, киндячные и дорогилные, кумачныя, и кутняные» кафтаны — здесь перечисляются различные ткани, из которых шили верхнюю одежду в Персии. Большинство названий — персидского происхождения, но они прочно вошли в русский язык того времени.

Озямный — производное от озям (верхняя мужская одежда с узкими рукавами); здесь скорее имеется в ввиду определенный вид материала.

Киндяк — широко распространенная в то время ткань-набойка.

Дорога — полосатая и клетчатая ткань.

Кумач — бумажная ткань красного, реже синего цвета.

Кутня — специальная ткань для верхнего платья [см. Е. К. Бахмутова. *Иранские элементов в деловом языке московского государства,* («Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Факультет языка и литературы», вып. 3, Казань, 1940), стр. 47].

[146] Аврамляне (см. прим. 124).

[147] Мултанеи — довольно часто встречающееся в XVII в. наименование индийцев, происходящее от названия города Мултан. (см. прим. 120).

[148] Жигуты, чагаты — искаженное перс. «джахудийя», т. е. евреи.

[149] Ряш — Ареш или Араш, один из центров производства шелка-сырца.

[150] Генжа — Ганджа, древний город в северной части Азербайджане, бывшая столица ганджинского ханства, ныне Кировабад.

[151] Раван — Ереван. В течение нескольких столетий шла борьба за этот армянский город между турками и персами. В 1604 г. Аббас I взял Ереван, причинив городу огромные разрушения. Однако, вскоре он приказал отстроить Ереван, окружить его новой крепостной стеной. В XVII в. Ереван был центром на торговом пути, идущем через Закавказье.

[152] Учьклюс — (Эчмиадзин) знаменитый армяно-григорианский монастырь в 19 км от Еревана. В монастыре имеются три церкви — собор Шогакат, церкви св. Рипсиме и св. Гаяне, поэтому он и получил турецкое название «учь келисе» — «три церкви».

[153] По преданию, после всемирного потопа Ноев ковчег приплыл к горе Арарат, которая раньше всех выступила из воды.

[154] Зечен или Зегги — определить место нахождении упоминаемого Котовым посада не удалось.

[155] Малазгирт — в XVII в. пограничный пункт между Персией и Турцией; расположен на р. Мурад, севернее оз. Ван.

[156] Каре — приток р. Ахурян, которая, в свою очередь, является притоком р. Аракс

[157] Изрюм — Эрзурум, древнеармянский город Карин. Греки называли его Карано, арабы — Каликала. После разрушения в 1047 г. близлежащего Ардзна жители его укрылись в Карине, после чего он стал называться Ардзн-Рум — Эрзурум.

[158] Изырьян — Эрзинджан, город в 140 км от Эрзурума, стоит на р. Карасу.

[159] Карасара — Шебин-Карахисар, небольшой город, находящийся к северо-западу от Эрзинджана.

[160] Вологор или Войлагор — так называет Котов промежуточный пункт между Шебин-Карахисаром и Токатом. Вероятно, это небольшое селение, где останавливались на ночлег при переходе. На картах это название не встречается.

[161] Токат — город западнее Шебин-Карзхисара, расположен на р. Ешиль-Ирмак.

[162] Туркал — Турхал, небольшой город северо-западнее Токата на р. Ешиль-Ирмак.

[163] Амас — Амасья, важный в то время пункт на торговом пути, расположенный на р. Ешиль-Ирмак. Хотя от Амасьи до Стамбула путь и далек, Котов другие промежуточные пункты не называет.

[164] Бясир — Басра — крупный город на р. Шатт-эль-Араб в 90 км от Персидского залива. Основан город в VII в. В 1538 г Басра была завоевана турками. Длительное время за Басру шла борьба между Персией и Турцией.

[165] Карчегахан — Карчкан-хан, один из приближенных шаха Аббаса I, занимавший многие видные посты в государстве.

[166] Ваиромея — Верамин, небольшой город недалеко от Тегерана.

[167] Таиран — Тегеран, ныне столица Ирана. В начале XVII в. незначительный город.

[168] Фарабат — Фахрабад, небольшой городок, ныне деревня недалеко от Дамгана.

[169] Мешеть — Мешхед, один из крупнейших городов Персии, торговый центр Хорасана, место поклонения шиитов. Город играл видную роль в истории Персии.

[170] Кандагар — один из крупнейших городов Афганистана, центр транзитной торговли. Долгое время за Кандагар шла борьба между Сефевидами и Великими Моголами. При Аббасе I Кандагар входил в состав Ирана.

[171] Белое море — Судя по контексту, Котов называет так Аравийское море.

[172] Урмуз (Хормоз, Хурмуз, Гурмыз) — Старый Урмуз находился на материке, близ выхода Персидского залива в Аравийское море через Оманский залив. Уже в X в. Урмуз служил портом для области Керман и всей юго-восточной части Персии. В XIII в. Якут отмечал большую роль Урмуза в торговле с Индией. Город пострадал во время монгольского нашествия. В XIII в. Урмуз стал главной биржей и перегрузочным пунктом в торговле Передней и Средней Азии, Индии и Китая. В начале XIV в. правитель Урмуза перенес город с материка на остров. Купцы и путешественники всех стран находили в Урмузе покровительство и защиту, поэтому город называли также «Дар-ал-аман» («Обитель безопасности»).

[173] Котов знал, что персы, турки и арабы пишут одним шрифтом, но говорят на разных языках. Вероятно, к «Хожению» он приложил на отдельных листах (или одном листе) своеобразный словарик с азбукой, где параллельно были даны русские слова, затем персидские и турецкие слова арабскими буквами.

СОДЕРЖАНИЕ